

Читать Уэлиа — все равно что
смотреть Тарантино:
адреналин
заикаливает.

— The Spectator

ИРВИН УЭЛШ

ТРИ
ИСТОРИИ

О ЛЮБВИ
И ХИМИИ

Уэлиа неизменно доказывает,
что литература — лучший наркотик.

— Spin

18+

Иностранная литература. Современная классика

Ирвин Уэлш

**Три истории о любви
и химии (сборник)**

«Азбука-Аттикус»

1996

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Уэлш И.

Три истории о любви и химии (сборник) / И. Уэлш — «Азбука-Аттикус», 1996 — (Иностранная литература. Современная классика)

ISBN 978-5-389-13420-1

От «неоспоримого лидера в новой волне современной британской словесности» (Observer), который «неизменно доказывает, что литература – лучший наркотик» (Spin) – три истории о любви и химии. Здесь тучная авторша популярных любовных романов самым неожиданным образом сводит счеты с обманывающим ее мужем; здесь влюбленного хулигана используют, чтобы отомстить фармакологической промышленности в лице самых безответственных ее представителей; здесь неудовлетворенная в браке молодая яппи сгорает в огне страсти к молодому рейверу... Перевод публикуется в новой редакции. Содержит нецензурную брань

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-13420-1

© Уэлш И., 1996
© Азбука-Аттикус, 1996

Содержание

Благодарности	7
Лоррейн едет в Ливингстон	8
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Ирвин Уэлш

Три истории о любви и химии (сборник)

Irvine Welsh

ECSTASY

Three Tales of Chemical Romance

Copyright © Irvine Welsh 1996

First published as ECSTASY by Jonathan Cape. Jonathan Cape is an imprint of Vintage, a part of the Penguin Random House group of companies

All rights reserved

© Г. Огибин, перевод, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство ИНОСТРАНКА®

Уэлш неизменно доказывает, что литература – лучший наркотик.

Spin

Уэлш – редкой злокозненности тварь, одна из самых талантливых в мировом масштабе. Его тексты – хорошая, по всем правилам сделанная беллетристика, типичная британская социальная сатира. Только вот с читателем здесь не церемонятся – спички между век вставляют и заставляют смотреть, как автор выскребает души своих героев. Смотреть, сука, сидеть, я сказал! – такая вот ироническая беллетристика.

Лев Данилкин

(Афиша)

Читать Уэлша – все равно что смотреть Тарантино: адреналин зашкаливает.

The Spectator

Ирвин Уэлш – ключевая фигура британской «антилитературы». Проза Уэлша – один из редких случаев в серьезной прозе, когда разговоры о жанре, направлении, идеологии и подтекстах почти никак не влияют на прочтение. Это пример чисто экзистенциального письма, прямая трансляция происходящего. Недаром сам Уэлш как-то сказал, что его книги рассчитаны на эмоциональное, а не на интеллектуальное восприятие. Место действия здесь – неуютное пространство между смертью от передозировки, этическим экстремизмом и измененным состоянием сознания.

Персонажи говорят на аутентичном эдинбургском диалекте с обильной примесью мата и экзотического сленга. Естественная интонация не оставляет места никаким литературным условностям. В сумме все это производит впечатление стилистического открытия.

Gazeta.ru

Говорят, что Уэлш пропагандирует наркотики. Да ничего подобного: это просто современная жизнь английского рабочего класса – футбол, таблетки, рейв и антиглобализм.

Вести. ru

Сэнди Макнейру посвящается

*Говорят, смерть убивает человека, но не смерть убивает.
Убивают скука и безразличие.
Игги Поп. Мне нужно еще*

Благодарности

Экстатической любви и не только – Энн, моим друзьям и близким и всем вам, хорошим людям (сами знаете, о ком речь).

Спасибо Робину в издательстве за усердие и поддержку.

Спасибо Паоло за марвиновские редкости (особенно «Piese of Clay»), Тони – за евро-техно, Дженет и Треиси – за хеппи-хаус, а Дино и Фрэнку – за габба-хардкор; мерси Антуанетте за проигрыватель и Бернарду за болтовню.

С любовью ко всем шайкам-лейкам в Эдинбурге, Глазго, Амстердаме, Лондоне, Манчестере, Ньюкасле, Нью-Йорке, Сан-Франциско и Мюнхене.

Слава «Хибз».

Берегите себя.

Лоррейн едет в Ливингстон

Любовный роман эпохи регентства в стиле рейв

Дебби Донован и Гэри Данну посвящается

1. Ребекка ест шоколад

Ребекка Наварро сидела в просторной оранжерее собственного дома и смотрела на освещенный солнцем свежий сад. В его дальнем углу, у старинной каменной стены Перки подстригал розовые кусты. Об угрюмой озабоченной сосредоточенности, привычном выражении его лица, Ребекка могла лишь догадываться, рассмотреть его ей мешало солнце, которое ослепляюще било сквозь стекло ей прямо в глаза. Ее клонило в сон, она чувствовала, что плывет и расплавляется от жары. Отдавшись ей, Ребекка не удержала увесистую рукопись, она выскользнула из рук и глухо шлепнулась на стеклянный кофейный столик. Заголовок на первой странице гласил:

БЕЗ НАЗВАНИЯ – В РАБОТЕ

(Любовный роман № 14. Начало XIX века. Мисс Мэй)

Темная туча заслонила солнце, развеяв его сонные чары. Ребекка покосилась на свое отражение в потемневшей стеклянной двери, которое вызвало в ней краткий приступ отвращения к себе. Она поменяла положение – профиль на анфас – и втянула щеки. Новый образ стер картину общего увядания и обвислых щек, причем так удачно, что Ребекка почувствовала себя достойной небольшого вознаграждения.

Перки полностью погрузился в работу по саду или просто делал вид. Семья Наварро нанимала садовника, который работал тщательно и умело, но, так или иначе, Перки всегда находил предлог самому поковыряться в саду, утверждая, что это помогает ему думать. Ребекка же, хоть убей, даже представить себе не могла, о чем это ее мужу приходится думать.

Хотя Перки и не смотрел в ее сторону, движения Ребекки были предельно экономны – украдкой протянув руку к коробке, она приоткрыла крышку и быстрым движением достала два ромовых трюфеля с самого дна. Она запихала их в рот и, на грани обморока от дурноты, начала яростно жевать. Фокус состоял в том, чтобы проглотить конфеты как можно быстрее, – будто таким образом можно было обмануть собственное тело, чтобы переварило получаемые калории одним махом.

Попытка обмануть собственный организм не удалась, и тяжелая, сладкая дурнота захлестнула Ребекку. Она физически ощущала, как ее организм медленно и мучительно перемалывает эти ядовитые мерзости, производя тщательный учет полученных калорий и токсинов, прежде чем распределить их по организму так, чтобы они нанесли максимальный вред.

Сначала Ребекка думала, что переживает очередной приступ тревожности: эта тянущая жгучая боль. Лишь через несколько секунд ее охватило сперва предчувствие, а потом и уверенность в том, что случилось нечто более страшное. Она начала задыхаться, в ушах зазвенело, мир закружился. Ребекка с перекошенным лицом тяжело рухнула на пол веранды, хватаясь обеими руками за горло. Струйка коричневой от шоколада слюны поползла из уголка рта.

В нескольких шагах от происходящего Перки стриг розовый куст. «Надо бы опрыскать пакоственников», – подумал он, отступая, чтобы оценить свой труд. Краем глаза он увидел, как что-то дергается на полу оранжереи.

2. Йасмин едет в Йовиль

Ивонн Крофт взяла в руки книгу под названием «Йасмин едет в Йовиль» Ребекки Наварро. Дома она злилась на мать за пристрастие к этой серии романчиков, известных как «Любовные романы с мисс Мэй», но теперь сама не могла оторваться от чтения, с ужасом осознавая, что книга захватывает ее чрезмерно. Она сидела, скрестив ноги, в огромном плетеном кресле – одном из немногих предметов мебели наряду с узкой кроватью, деревянным шкафом, комодом и мойкой, составлявших обстановку в маленькой сестринской лондонской больницы Святого Губбина.

Ивонн с жадностью поглощала последние страницы книги – развязку любовного романа. Она заранее знала, что произойдет. Ивонн была уверена, что хитроумная сваха мисс Мэй (появлявшаяся во всех романах Ребекки Наварро в разных воплощениях) разоблачит невыразимое коварство сэра Родни де Морни; что чувственная, бурная и неукротимая Йасмин Делакур воссоединится со своим истинным возлюбленным, благородным Томом Резником, точно так же, как и в предыдущем романе Ребекки Наварро «Люси едет в Ливерпуль», в котором прелестную героиню спасает из рук злодеев, прямо с борта корабля контрабандистов, избавляя ее от жизни в рабстве у негодяя Мибурна Д'Арси, блистательный Квентин Хаммонд из Ост-Индской компании.

Тем не менее Ивонн продолжала увлеченно читать, переносясь в мир любовного романа, мир, где не было ни восьмичасового дежурства в гериатрической палате, ни ухода за увядающими стариками, страдающими недержанием мочи, превращающимися перед смертью в сморщенные, хриплые, искаженные карикатуры на самих себя.

Страница 224

Том Резник мчался как ветер. Он знал, что его статная лошадь находится на грани истощения и что он рискует загнать кобылу, понукая с таким жестоким упорством верное и благородное животное. И ради какой цели? С тяжелым сердцем Том понимал, что не успеет достичь Бронди-Холла до того момента, как Йасмин соединится в браке с негодным сэром Родни де Морни, обманщиком, который посредством грязной лжи уготовил этому прекрасному созданию рабскую долю наложницы вместо предназначенного ей светлого будущего.

В это самое время сэр Родни на светском балу был доволен и весел – Йасмин никогда не выглядела настолько восхитительно. Сегодня ее честь будет принадлежать сэру Родни, который вдоволь насладится падением упрямой девицы. Лорд Бомонт приблизился к приятелю.

– Твоя будущая невеста – сокровище. По правде говоря, друг мой Родни, я не ожидал, что тебе удастся завоевать ее сердце, поскольку был уверен, что нас обоих она считает недостойными дешевками.

– Мой друг, ты явно недооценивал настоящего охотника, – улыбнулся сэр Родни. – Я слишком хорошо знаю свое ремесло, чтобы приближаться вплотную к дичи во время преследования. Напротив, я спокойно дожидался идеального для себя момента, чтобы нанести окончательный *coup de grâce*¹.

– Готов поспорить, это ты отправил докучливого Резника на континент. Сэр Родни приподнял бровь и заговорил, приглушив голос:

¹ Смертельный удар (*фр.*); *досл.* удар милосердия.

– Прошу, будь осмотрительней, друг мой. – Он боязливо оглянулся и, убедившись в том, что из-за шума оркестра, игравшего вальс, ничьи уши не слышат их беседы, продолжил: – Да, это я подстроил внезапный вызов Резника в отряд Суссекских рейнджеров и назначение его в Бельгию. Надеюсь, что бонапартовские стрелки уже отправили молодца прямо в ад!

– Неплохо, неплохо, – улыбнулся Бомонт, – ибо леди Йасмин, к сожалению, не удалось произвести впечатление тонко воспитанной особы. Ни на каплю не смутилась, когда мы обнаружили во время нашего посещения, что она спуталась с безродным ничтожеством, никоим образом не заслуживающим внимания женщины из высшего света!

– Да, Бомонт, легкомысленность – одно из качеств этой девицы, и ему должен быть положен конец, когда она станет верной супругой. Именно это я и сделаю сегодня к вечеру!

Сэр Родни не знал, что высокая старая дева, мисс Мэй, находившаяся все это время за бархатной портьерой, слышала все. Теперь она покинула свое укрытие и присоединилась к гостям, оставив сэра Родни с его замыслами насчет Йасмин. Сегодня вечером...

Ивонн отвлек стук в дверь. Пришла ее подруга Лоррейн Гиллесли.

– Ты на ночном дежурстве, Ивонн? – Лоррейн улыбнулась подруге.

Ее улыбка казалась Ивонн необычной, будто направленной куда-то далеко, сквозь нее. Иногда, когда Лоррейн смотрела на нее вот так, Ивонн казалось, будто это вовсе и не Лоррейн.

– Да, не повезло жутко. Мерзкая сестра Брюс – старая свинья.

– А эта гадина, сестра Патель, со своим говорком, – поморщилась Лоррейн. – По-ойди поменяй белье, а когда поменяешь, по-ойди раздай лекарство, а когда раздашь, по-о-ойди померь температуру, а когда померяешь, по-о-ойди...

– Точно... сестра Патель. Отвратительная баба.

– Ивонн, можно я чайку себе сделаю?

– Конечно, извини, поставишь чайник сама, а? Прости, тут я такая, ну это... просто не могу оторваться от книжки.

Лоррейн наполнила чайник из-под крана и включила в розетку. Проходя мимо подруги, она слегка склонилась над Ивонн и вдохнула запах ее духов и шампуня. Она вдруг заметила, что перебирает между большим и указательным пальцем белокурый локон ее блестящих волос.

– Боже мой, Ивонн, твои волосы так классно выглядят. Каким ты их шампунем моешь?

– Да обычным – «Шварцкопф». Тебе нравятся?

– Ага, – сказала Лоррейн, ощущая необычную сухость в горле, – нравятся.

Она подошла к мойке и выключила чайник.

– Так ты сегодня в клуб? – спросила Ивонн.

– Всегда готова! – улыбнулась Лоррейн.

3. Фредди и его трупы

Ничто так не возбуждало Фредди Ройла, как вид жмурика.

– Не знаю, как тебе эта, – неуверенно посетовал Глен, препаратор с патологоанатомии, вкатывая тело в больничный морг.

Фредди с трудом сохранял ровное дыхание. Он осмотрел труп.

– А а-ана была ха-аррошенькой, – просипел он своим соммерсетским прононсом, – аваррия, да-алжно быть?

– Да, бедняга. Шоссе Эм-двадцать пять. Потеряла много крови, пока ее не вытащили из-под обломков, – с трудом промямлил Глен.

Ему становилось нехорошо. Обычно жмурик был для него не больше чем жмурик, а видел он их в разных видах. Но иногда, когда это был совсем молодой человек или кто-то, чья красота еще угадывалась в трехмерной фотографии сохранившейся плоти, ощущение бесплодности и бессмысленности всего поражало Глена. Это был как раз такой случай.

Одна нога мертвой девушки была разрезана до кости. Фредди провел рукой по нетронутой ноге. Она была гладкой на ощупь.

– Все еще теплая, а, – заметил он, – слишка-ам теплая для меня, по правде гаваря.

– Э... Фредди, – начал было Глен.

– Ах, извиини, дружище, – улыбнулся Фредди, залезая в бумажник. Он достал несколько купюр и протянул их Глену.

– Спасибо, – сказал Глен, засовывая деньги в карман, и быстро удалился.

Глен ощупывал купюры в кармане, быстро шагая по больничному коридору, вошел в лифт и отправился в столовую. Эта часть ритуала, а именно передача налички, одновременно возбуждала и вызывала в нем стыд, так что он никогда не мог определить, какая из эмоций была сильнее. Почему он должен отказывать себе в доле, рассуждал он, притом что все остальные имели свою. А остальные были теми ублюдками, которые получали денег больше, чем он когда-либо будет иметь, – больничное начальство.

«Да, начальство все знает про Фредди Ройла», – подумал с горечью Глен. Они знали о тайном увлечении знаменитого ведущего телешоу одиноких сердец «От Фреда с любовью», автора многих книг, среди которых «Как вам это нравится – Фредди Ройл о крикете», «Сомерсет Фредди Ройла», «Сомерсет через букву „З“: острословие Запада», «Прогулки по Западу с Фредди Ройлом» и «101 фокус для вечеринки от Фредди Ройла». Да, директора-ублюдки знали о том, что делает с больничными жмуриками их знаменитый друг, всеобщий любимец, красноречивый дядя нации. И молчали, потому что Фредди привлекал для больницы миллионы фунтов через своих спонсоров. Директора почивали на лаврах, больница была образцом для близоруких управляющих фонда Национальной системы здравоохранения. И все, что от них требовалось, – это молчать в тряпочку и время от времени подкидывать сэру Фредди парочку-другую мертвых тел.

Глен представил, как сэр Фредди наслаждается в своем холодном раю без любви, наедине с куском мертвой плоти. В столовой он встал в очередь и ознакомился с меню. Отказавшись от булочки с беконом, Глен выбрал с сыром. Он продолжал размышлять о Фредди, и ему вспомнилась старая некрофильская шутка: когда-нибудь какая-то гниль его сдаст. Но это будет не Глен, Фредди платил ему слишком хорошо. Размышляя о деньгах и о том, на что их можно будет потратить, Глен решил пойти вечером в «Самоволку», клуб в центральном Лондоне. Он, возможно, увидит ее – она часто ходила туда по субботам – или в «Гэрэдж-Сити» на Шефтсбери-авеню. Это ему рассказал Рэй Хэрроу, театральный техник. Рэй любил джангл, и его пути совпадали с путями Лоррейн. Рэй был нормальный парень, давал Глену кассеты. Глен никак не мог заставить себя полюбить джангл, но думал, что ему удастся – ради Лоррейн. Лоррейн Гиллесли. Прекрасная Лоррейн. Медсестра-студентка Лоррейн Гиллесли. Глен знал, что она много времени проводила в больнице. Он также знал, что она часто ходила в клубы: «Самоволка», «Галерея», «Гэрэдж-Сити». Ему хотелось узнать, как она умеет любить.

Когда подошла его очередь, он заплатил за еду и еще у кассы заметил сидящую за одним из столиков светловолосую медсестру. Он не помнил, как ее звали, но знал, что это была подруга Лоррейн. Судя по всему, она только начала смену. Глену захотелось подсесть к ней, поговорить и, возможно, разузнать что-нибудь про Лоррейн. Он направился к ее столику, но, подкошенный внезапной слабостью, наполовину поскользнулся, наполовину рухнул на стул за несколько столиков от девушки. Поедая свою булку, Глен проклинал себя за трусость. Лоррейн.

Если он не нашел в себе решимости заговорить с ее подругой, как он осмелится обратиться когда-нибудь к ней самой?

Подруга Лоррейн встала из-за стола и, проходя мимо Глена, улыбнулась ему. Глен воспрял духом. В следующий раз он точно заговорит с ней, а после этого заговорит с ней, когда она будет вместе с Лоррейн.

Вернувшись в бокс, Глен услышал Фредди в морге за стеной. Он не смог заставить себя заглянуть внутрь и стал подслушивать под дверью. Фредди тяжело дышал: «Ох, ох, ох, харашенька-ая!»

4. Госпитализация

Хотя «скорая» приехала довольно быстро, время для Перки тянулось бесконечно медленно. Он смотрел, как Ребекка тяжело дышит и стонет, лежа на полу веранды. Почти бессознательно он взял ее за руку.

– Держись, старушка, они уже едут, – произнес он, возможно, пару раз. – Ничего, скоро все пройдет, – пообещал он Ребекке, когда санитары усадили ее в кресло, надели кислородную маску и закатали в фургончик.

Ему казалось, что он смотрит немое кино, в котором его собственные слова утешения звучали как дурно срежиссированный дубляж. Перки заметил, что Вильма и Алан пялятся на все это из-за зеленой ограды своего участка.

– Все в порядке, – заверил он их, – все в полном порядке.

Санитары в свою очередь заверили Перки, что именно так оно и будет, мол, удар легкий, ничего страшного. Их явная убежденность в этом беспокоила Перки и вгоняла его в тоску. Он понял, что страстно надеется: они не правы и заключение врача окажется куда серьезней.

Перки сильно вспотел, перебирая в уме различные сценарии.

Лучший вариант: она умирает и я – единственный наследник в завещании.

Немного хуже: она выздоравливает, продолжает писать и быстро заканчивает новый любовный роман.

Он понял, что заигрывает в уме с наихудшим из вариантов, и содрогнулся: Ребекка останется инвалидом, вполне возможно, парализованным овощем, не может писать и высасывает все их накопления.

– А вы не едете с нами, мистер Наварро? – несколько осуждающе спросил один из санитаров.

– Езжайте, ребята, я догоню на машине, – резко парировал Перки.

Он привык сам указывать людям из низших классов, и его взбесило предположение, что он поступит так, как они считают нужным. Он обернулся на розы. Да, самое время для опрыскивания. В больнице его ожидала суматоха, связанная с приемом старушки. Самое время опрыскать розы.

Внимание Перки привлекла рукопись, лежавшая на кофейном столике. Заглавная страница была испачкана шоколадной блевотиной. С отвращением он стер самое ужасное носовым платком, обнажив сморщенные, мокрые листы бумаги.

Перки открыл рукопись и начал читать.

5. Без названия – в работе

(Любовный роман № 14.

Начало XIX века. Мисс Мэй)

Страница 1

Даже самый скромный огонь в камине мог обогреть тесную классную комнатку в старом особняке в Селькирке. И именно это казалось главе прихода, преподобному Эндрю Биатти, вполне удачным положением дел, ибо он был известен своей бережливостью.

Жена Эндрю, Флора, как бы дополняя это его качество, обладала крайне широкой натурой. Она признавала и принимала то, что вышла замуж за человека небогатого и средства их были ограничены, и, хоть она и научилась в своих ежедневных заботах тому, что муж ее называл «практичностью», ее по сути своей расточительный дух не был сломлен этими обстоятельствами. Далекий от порицания, Эндрю обожал супругу за это ее качество еще более страстно. Одна мысль о том, что эта восхитительная и прекрасная женщина отказалась от модного лондонского общества, избрав скучную жизнь со своим супругом, укрепляла его веру в собственное предназначение и чистоту ее любви.

Обе их дочери, которые в данный момент уютно устроились перед очагом, унаследовали душевную широту Флоры. Агнес Биатти, белокожая красавица и старшая из дочерей, семнадцати лет от роду, откинула со лба жгуче черные кудри, мешавшие изучению женского журнала.

– Смотри, какой изумительный наряд! Только взгляни, Маргарет! – воскликнула она с восхищением, протягивая журнал младшей сестре, которая медленно шевелила кочергой угли в камине, – платье из голубого атласа, скрепленное спереди бриллиантами!

Маргарет оживилась и потянулась за журналом, пытаясь выхватить его из рук сестры. Агнес не отпускала и, хоть сердце ее учащенно забилося в страхе, что бумага не выдержит и драгоценный журнал будет порван, рассмеялась с восхитительным снисхождением.

– Однако, дорогая сестрица, ты еще слишком молода, чтобы увлекаться подобными вещами!

– Ну пожалуйста, дай мне взглянуть! – умоляла ее Маргарет, понемногу отпуская журнал.

Увлечшись своей шалостью, девушки не заметили появления новой воспитательницы. Сухая англичанка, напоминавшая своим видом старую деву, поджала губы и строго произнесла громким голосом:

– Так вот какого поведения следует ожидать от дочек моей драгоценной подруги Флоры Биатти! Не могу же я следить за вами каждую минуту!

Девушки были смущены, хоть Агнес и уловила игривую нотку в замечании наставницы.

– Но, мадам, если уж мне предстоит попасть в общество в самом Лондоне, я должна позаботиться и о своих нарядах!

Пожилая женщина взглянула на нее с укором:

– Умения, образование и этикет – более важные качества для молодой девушки при вступлении в приличное общество, нежели детали ее убранства. Неужели ты поверишь, что твоя милейшая мать или отец, преподобный пастырь, несмотря на стесненные обстоятельства свои, позволят тебе быть хоть чем-то обделенной на пышных лондонских балах? Оставь беспокойство о своем гардеробе заботящимся о тебе, дорогая, и обратись к более насущным вещам!

– Хорошо, мисс Мэй, – отвечала ей Агнес.

«А у девушки строптивый нрав», – подумала про себя мисс Мэй; совсем как у ее мамы, близкой и давней подруги наставницы – еще с тех далеких времен, когда Аманда Мэй и Флора Киркленд сами впервые предстали в лондонском свете.

Перки швырнул рукопись обратно на кофейный столик.

– Какая чепуха, – произнес он вслух. – Абсолютно гениально! Эта сучка в отличной форме – снова заработает нам кучу денег!

Он радостно потирал руки, направляясь через сад к розам. Внезапно в его груди зашевелилось беспокойство, и он, бегом вернувшись на веранду, снова взял в руки исписанные страницы. Он пролистал рукопись – она заканчивалась на странице сорок два и уже на двадцать шестой превращалась в неразборчивый набор предложений-скелетов и паутину неуверенных набросков на полях. Работа была далека от завершения.

«Надеюсь, старушка поправится», – подумал Перки. Он почувствовал непреодолимое желание оказаться рядом с женой.

6. Открытие Лоррейн и Ивонн

Лоррейн и Ивонн готовились к обходу. После смены они собирались купить что-нибудь из одежды, потому что вечером решили пойти на джангловую вечеринку, где должен был играть Голди. Лоррейн была слегка удивлена тем, что Ивонн все еще сидит, погрузившись в чтение. Ей, в общем-то, было наплевать, не ее палатой заправляла сестра Патель. Но только она собралась поторопить подругу и сказать ей, что пора двигаться, как в глаза ей бросилось имя автора на обложке книги. Она взглянула ближе на фотографию шикарной дамы, украсившей обратную сторону обложки. Фотография была очень старой, и, если бы не имя, Лоррейн не узнала бы в ней Ребекку Наварро.

– Ну ни хрена ж себе! – Лоррейн широко раскрыла глаза. – Эта книга, которую ты читаешь?..

– Ну? – Ивонн бросила взгляд на глянцевую обложку. Молодая женщина в обтягивающем платье вытягивала губы в сонном трансе.

– Знаешь, это, кто ее написал? Вон фотка...

– Ребекка Наварро? – перевернув книгу, спросила Ивонн.

– Ее привезли вчера вечером, в шестую. С инсультом.

– Вот это да! Ну и как она?

– Да не знаю... ну, ничего особенного, в общем. Мне она показалась слегка того, но, вообще-то, у нее ведь инсульт был, правильно?

– Ну да, с инсульта можно стать немного «того», – усмехнулась Ивонн. – Проверишь, передачи ей носят, а?

- И еще жутко толстая. От этого и insult. Просто – реальная хрюшка!
- Вот это да! Представь себе, такая раньше – и это все испортить!
- Слышь, Ивонн, – Лоррейн посмотрела на часы, – нам ведь уже пора.
- Пошли... – согласилась Ивонн, закрывая книгу и вставая.

7. Дилемма Перки

Ребекка плакала. Она плакала каждый день, когда он приходил к ней в больницу. Это серьезно беспокоило Перки. Ребекка плакала, когда была подавлена. А когда Ребекка была подавлена, она ничего не писала, не могла писать. А когда она ничего не писала... да, Ребекка всегда перекладывала деловую сторону на Перки, который, в свою очередь, рисовал ей куда более красочную картину их финансового положения, чем обстояли дела в реальности. У Перки были свои затраты, о которых Ребекка не подозревала. У него были свои потребности – потребности, которые, как он считал, эгоистичная и самовлюбленная старая карга никогда не смогла бы понять.

Всю их совместную жизнь он потакал ее эго, подчиняя себя ее беспредельному тщеславию; по крайней мере, так оно и выглядело бы, не будь у него возможности вести свою тайную личную жизнь. Он заслуживал, как ему казалось, определенного вознаграждения. Будучи по природе своей человеком непростых вкусов, широтой души он не уступал персонажам ее чертовых романов.

Перки смотрел на Ребекку с докторским пристрастием, оценивая степень поражения. Случай был, как сказали врачи, нетяжелым. Ребекка не потеряла дар речи (плохо, подумал Перки), и его заверили, что жизненно важные функции не пострадали (хорошо, решил он). Тем не менее эффект казался ему довольно омерзительным. Половина ее лица напоминала кусок пластмассы, слишком близко полежавший у огня. Он пытался не дать самовлюбленной суке взглянуть на свое отражение, но это было невозможно. Она продолжала настаивать, пока кто-то не принес ей зеркало.

- О, Перки, я так ужасно выгляжу! – ныла Ребекка, разглядывая свое искаженное лицо.
- Ничего страшного, дорогая. Все пройдет, вот увидишь!

Давай-ка взглянем правде в глаза, старуха, ты никогда красотой не отличалась. Всю жизнь была уродиной, да еще эти чертовы шоколадки себе в рот запихивала, подумал он. И врач сказал то же самое. Ожирение, вот как он сказал. И это о женщине сорока двух лет, моложе его на целых девять лет, хоть в это и трудно поверить. Весит килограмм на двадцать больше нормы. Замечательное слово: ожирение. Именно так, как произнес его врач, клинически, по-медицински, в соответствующем контексте. Она обиделась, и он это почувствовал. Ее это задело за самое живое.

Несмотря на явную перемену в облике жены, Перки поразились, что не замечает серьезного эстетического ухудшения в ее внешности после перенесенного insultа. На самом деле он понял, что она давно уже вызывает у него отвращение. А возможно, так было с самого начала: ее ребячливость, патологическая самовлюбленность, шумность и, больше всего, ее тучность. Она была просто жалкой.

– Ах, дорогой Перки, ты правда так думаешь? – простонала Ребекка больше сама себе, чем мужу, и обернулась к приближающейся медсестре Лоррейн Гиллеспи. – Я правда поправлюсь, сестричка?

Лоррейн улыбнулась Ребекке:

– Ну конечно, миссис Наварро.

– Вот видишь? Послушай эту молодую леди, – улыбнулся девушке Перки, приподнял густую бровь и, заглядывая ей в глаза немного дольше приличного, подмигнул.

«А она – медленный огонек», – подумал он. Перки считал себя знатоком женщин. Бывает, считал он, что красота сразу же поражает мужчину. И после шока от первого впечатления ты понемногу привыкаешь. Но самые интересные, как эта вот медсестра-шотландка, очень постепенно, но верно завоевывают тебя, снова и снова удивляя чем-то неожиданным в каждом своем новом настроении, с каждым новым выражением лица. Такие вначале оставляют смутно-нейтральный образ, рассыпающийся от того особого взгляда, которым они могут вдруг на тебя посмотреть.

– Да-да, – поджала губы Ребекка, – дорогуша-сестричка. Какая ты заботливая и ласковая, ведь правда?

Лоррейн почувствовала себя польщенной и оскорбленной одновременно. Ей хотелось только одного – чтобы поскорей закончилось дежурство. Сегодня вечером ее ждал Голди.

– И я вижу, что Перки ты понравилась! – пропела Ребекка. – Он такой жуткий бабник, ведь правда, Перки?

Перки выдавил из себя улыбку.

– Но он же такой милый и такой романтичный. Даже не знаю, что бы я без него делала.

Будучи кровно заинтересован в делах жены, Перки почти инстинктивно положил маленький диктофон на тумбочку рядом с ее кроватью вместе с парой чистых кассет. Возможно, грубовато, подумалось ему, но он был в отчаянном положении.

– Может, немного сватовства вместе с мисс Мэй слегка отвлечет тебя, дорогая...

– Ой, Перки... Ну не могу же я сейчас писать романы. Взгляни на меня – я же выгляжу просто ужасно. Как сейчас я могу думать о любви?

Перки ощутил, как тяжелое чувство ужаса придавило его.

– Глупости. Ты все равно самая прекрасная женщина на земле, – выдавил он сквозь сжатые зубы.

– Ах, милый Перки... – начала было Ребекка, но Лоррейн засунула ей в рот градусник, заставив ее замолчать.

Перки, на лице которого все еще расплывалась улыбка, оглядел холодным взглядом комичную фигуру. Ему хорошо удавался этот обман. Но его продолжала свербить пренеприятная мысль: если у него не будет рукописи нового романа о мисс Мэй, Джайлс, издатель, не даст ему аванса в сто восемьдесят тысяч за следующую книгу. А может, и того хуже – подаст в суд за невыполнение договора и потребует возместить девяносто, аванс за этот роман. Ох эти девяносто тысяч, что теперь лежат в карманах лондонских букмекеров, владельцев пабов, хозяев ресторанов и проституток.

Ребекка росла, и не только в буквальном смысле, но и как писатель. «Дейли мейл» упоминал о ней как о «величайшей из живущих романисток», а «Стандард» титуловал Ребекку «Британской Принцессой Классического Любовного Романа». Следующая книга должна была стать венцом ее творчества. Перксу нужна была рукопись, продолжение ее предыдущих книг – «Йасмин едет в Йовиль», «Пола едет в Портсмут», «Люси едет в Ливерпуль» и «Нора едет в Норидж».

– Обязательно прочту ваши книги, миссис Наварро. Моя подруга – большая ваша поклонница. Она только что закончила «Йасмин едет в Йовиль», – обратилась Лоррейн к Ребекке, вынимая градусник у нее изо рта.

– Обязательно прочти! Перки, сделай одолжение, не забудь принести книжки сестричке... и, пожалуйста, сестричка, пожалуйста, пожалуйста, зови меня Ребеккой. Я уж все равно буду звать тебя сестричкой, потому что так уж я привыкла, хотя Лоррейн звучит очень мило. Да ты и выглядишь как молодая французская графиня... знаешь, ты в самом деле похожа на портрет леди Каролины Лэм, который я где-то видела. Портрет ей явно льстил, поскольку она никогда не была такой хорошенькой, как ты, дорогуша, но она – моя героиня: удивительно

романтичная натура и не боится пожертвовать репутацией ради любви, как все знаменитые женщины в истории. А ты бы пожертвовала репутацией ради любви, дорогая сестричка?

«Свиноматку опять понесло», – подумал Перки.

– М-м, это... того... не знаю, – пожала плечами Лоррейн.

– А я уверена, что да. В тебе есть что-то дикое, неукротимое. А ты как считаешь, Перки?

Перки почувствовал, как давление его поднимается и как тонкий слой соли кристаллизуется на губах. Этот халатик... пуговички... расстегиваемые одна за другой... Он с трудом изобразил холодную улыбку.

– Да, сестричка, – продолжала Ребекка, – я вижу в тебе подругу леди Каролины Лэм, на одном из пышных балов в начале девятнадцатого века, одолеваемую бесчисленными поклонниками, мечтающими вальсировать с тобой... Ты умеешь танцевать вальс, сестричка?

– Не-е, я люблю хаус, особенно джангл и все такое. Ну, транс, гэрэдж и техно тоже ничего, мне нравится ногами подрыгать.

– А ты бы хотела научиться вальсировать?

– Ну... не очень. Вот хаус по мне. И джангл в кайф. Голди меня прикалывает, вот.

– Но нужно, сестричка, нужно. – Распухшее лицо Ребекки приняло капризно-настойчивое выражение.

Лоррейн слегка смутилась, ощущая на себе пристальный взгляд Перки. Она почувствовала себя голой в этом халате, как будто она была чем-то экзотичным, объектом изучения. Но надо было идти. Скоро должна прийти сестра Патель, и если Лоррейн не поторопится, проблем не избежать.

– Из какой ты части старушки Шотландии? – с улыбкой спросил Перки.

– Из Ливингстона, – быстро ответила Лоррейн.

– Ах из Ливингстона, – откликнулась Ребекка. – Звучит просто замечательно. А ты скоро поедешь в гости домой?

– Ну это, мать навестить и все такое.

«Да, что-то такое есть в этой шотландочке», – подумал Перки. Она действовала не только на его гормоны; она каким-то образом помогала и Ребекке. Похоже, девчонка зажигала ее, возвращала ее к жизни. Когда Лоррейн ушла, его супруга продолжила свои жалостливые всхлипывания. Ему тоже было пора идти.

8. Истинное лицо Фредди

Фредди Ройл пережил тяжелый по его меркам день до позднего прибытия в больницу Святого Губбина. Все утро он провел на телестудии, снимая эпизод для передачи «От Фреда с любовью». Мальчик, который по распоряжению Фреда купался с дельфинами в аквапарке Моркамба, пока его дедушку с бабушкой возили туда, где происходит их медовый месяц, совсем раззадорился в студии и ерзал на коленках у Фредди, возбуждая его до такой степени, что им обоим потребовалось несколько дублей.

– Я люблю, кагда ани тиихие, – сказал он, – очень, очень тиихие.

Барри, продюсеру, было не до смеха.

– Ради бога, Фредди, валил бы ты в больницу, оттянулся, трахнул жмурика, – простонал он. – Может, тогда отпустит тебя твое либидо хреново.

Совет был хорош.

– Нааверна, так и сделаю, старина, – улыбнулся Фредди и послал вызвать такси из Шепердз-Буш в больницу Святого Губбина. В Западном Лондоне его взбесило по-черепашьи медленное передвижение в потоках транспорта, и он передумал и попросил водителя высадить его у книжного магазинчика в Сохо, куда частенько заходил.

Подмигнув человеку за прилавком оживленного заведения, Фредди быстро прошел в дальний угол. Там уже другой продавец в необычного вида роговых очках пил чай из большой кружки. Он улыбнулся Фредди:

– Все в порядке, Фредди? Как поживаешь, старина?

– Все путем, старина Берти. Как сам?

– Не жалуюсь. Вот, это я для тебя отложил... – Берти открыл ключом небольшой ящик, порывшись среди коричневых конвертов и извлек тот, на котором черным фломастером было написано «ФРЕДДИ».

Фредди не стал открывать конверт, вместо этого кивнул на книжный шкаф, вмонтированный в стену. Берти ухмыльнулся:

– Сегодня уже многие сюда заходили.

Он потянул за ручку, открывая потайную дверцу. За ней была тесная узкая комнатка с металлическими стеллажами, забитыми журналами и видеокассетами. Зайдя внутрь и захлопнув за собой дверцу шкафа, Фредди заметил двух мужчин, поглощенных просмотром литературы. Одного Фредди знал.

– Перки, дружище, неушшта ты?

Перки Наварро оторвал взгляд от обложки «Лесбо-Милашки-Длинные-Язычки № 2» и улыбнулся в ответ.

– Фредди, старина. Как ты?

Не удержавшись, он бросил быстрый взгляд на стойку, где заметил нечто похожее на медсестру Лоррейн Гиллеспи в «Новых Пизденках 78». Он взял журнал в руки и рассмотрел попристальней. Нет, просто прическа похожая.

– Я а-атлична, старик, – начал было Фредди, но, заметив, что Перки не слушает, спросил: – Шшто-то интересное?

– Увы, нет, лишь показалось. – Перки был явно разочарован.

– Ну, я уверен, шшто ты найдешь, шшто тебе нузно. А как наш Ангелочек себя чувствует?

– Ей уже намного лучше.

– Она попала в надежное место. Я зайду к ней сегодня – еду в Губбинса на встречу спонсоров.

– Да-да, я просто вижу, как дело идет на лад, – улыбнулся Перки, снова заметно оживляясь. – Она даже думает о продолжении романа.

– Да, это много значит.

– А эта сестра, которая за ней присматривает... маленькая шотландка... она на нее хорошо влияет. Премиленькая штучка. Я даже, не поверишь, искал здесь подобие...

– Есть что-нибудь стоящее?

– Есть тут кое-что новенькое; Берти сказал, что только вчера привезли из Гамбурга, но это все вот там. – Перкс повел Фредди к одному из стеллажей.

Фредди взял наугад журнал, пролистал содержимое:

– Неплоха, саавсем неплоха. Я тут купил как-то крутой фистинговый журнальчик. Как это девочки-мальчики кулачки засовывают в свои жопки – не представляю. Я бы точно обосрался, если бы по-большому пару дней не ходил!

– Думаю, их пичкают этими мышечными релаксантами, – просветил его Перкс.

Это предположение явно заинтересовало Фредди.

– Мышечные релаксанты... ммм... они ведь должны легко дырочку открывать, а?

– Да, это самый эффективный способ. Почитай-ка об этом. Ты сам-то не думаешь попробовать? – рассмеялся Перки.

Фредди осклабил на Перки, и тот содрогнулся от резкого запаха изо рта телезвезды.

– Я ничаво никагда не исключаю, дружище Перки, ты меня знаешь.

Похлопав приятеля по спине, знаменитость забрал свой пакет, вышел из магазина и снова принялся ловить такси. Он ехал навестить Ребекку Наварро, женщину, которой он, как и все ее знакомые, бесстыдно льстил. Это он, играючи и к ее вящему удовольствию, дал ей прозвище Ангелок. И после свидания с Ребеккой он собирался навестить еще пару друзей, о которых большинство людей сказали бы, что они «покинули нас», но не Фредди, от него далеко не уйдешь, для Фредди они как раз то, что нужно.

9. В «Джунглях»

За день до того, как жизнь его изменилась, Глен упрасивал своего приятеля Мартина:

– Ну слушай, давай попробуем. У меня хорошие колеса, «плейбои» из Амстердама. Это самые сильные.

– Вот-вот, – ухмыльнулся Мартин, – и ты потратишь их на этот дерьмовый джангл. Я не собираюсь на эту фигню, Глен, я просто не могу плясать под джангл.

– Ну слушай, Мартин, ради меня. Давай попробуем.

– Ради тебя? А что это ты так рвешься именно в этот клуб? И Кит, и Кэрол, и Эдди – все идут в «Сейбрасоник», а потом в «Министры».

– Понимаешь, хаус – сейчас самое продвинутое в музыке, а джангл – самое продвинутое в хаусе. Музыка должна удивлять, а иначе становится общим местом, как кантри-энд-вестерн, как то, что стало с рок-н-роллом. Джангл – это музыка, которая способна удивлять. Она на самой передовой. Мы просто обязаны попробовать, – умоляя, произнес Глен.

Мартин взглянул на него с любопытством:

– Там точно будет кто-то, кого ты хочешь встретить... кто-то из больницы туда ходит... уверен, что одна из медсестер!

Глен пожал плечами и улыбнулся:

– Ну... да... но...

– Ну вот и отлично. Хочешь бегать за девками, будем бегать за девками. Я на этот счет... сам знаешь. Но не грузи меня своей «передовой».

Они подъехали к клубу, и сердце Глена съезжилось при виде очереди перед дверью. Мартин подошел прямо к входу и заговорил с одним из охранников. Повернувшись, он неистовыми жестами стал подзывать Глена. Они зашли внутрь – очередь провожала Глена и Мартина приглушенными стонами зависти. Сперва Глен боялся, что они не попадут на вечеринку. Теперь, когда благодаря стараниям Мартина они были внутри, он с ужасом думал, что Лоррейн застрянет снаружи.

В клубе они сразу же направились в чилаут. Мартин сбегал в бар и купил две газировки. Было темно, и Глен вытащил пакетик из трусов. В пакетике было четыре таблетки с отштампованными изображениями плейбоевского кролика. Они закатали по колесу каждый, запив минералкой.

Минут через десять таблетка начала приходить, и, как с Гленом всегда бывало, он почувствовал неприятное ощущение сухости, на грани икоты. Ни он, ни Мартин несколько не обеспокоились; Глен вообще плохо переносил колеса.

Три девчонки присели рядом, и Мартин тут же начал с ними болтать. А Глен так же быстро свалил на танцпол. Колеса были и вправду хороши, но если ты не шел сразу же плясать, то легко мог проболтать всю ночь в чилауте. Глен пришел сюда плясать.

Глен обошел заполненный людьми танцпол и почти сразу наткнулся на Лоррейн с подругой. Он начал танцевать на безопасном расстоянии. Глен узнавал музыку – «Murder Dem» от *Ninjaman* переходила в «G Spot» Уэйна Маршалла.

Лоррейн с Ивонн танцевали, танцевали с упоением. Глен наблюдал за ними. Лоррейн отключила весь мир вокруг, сосредоточившись на Ивонн, глядя только на нее. «Боже, мне бы

хоть долю такого внимания», – подумалось Глену. Ивонн, напротив, была не настолько поглощена подругой, отвлекаясь на происходящее вокруг. Так все это видел Глен. Таблетка начала действовать, и музыка, к которой он когда-то испытывал неприязнь, проникала в него со всех сторон, волнами пронизывала его тело, порождая в нем эмоции. Раньше джангл казался ему дерганным и несвязным, сбивал с толку и раздражал, сейчас он начинал жить в его ритме, и его тело раскачивалось и плыло вслед за ревом басов и рваным рисунком ударных. В нем поднималась радость любви ко всему хорошему, при этом он продолжал видеть все гадости жизни в Британии; более того, этот урбанистичный блюзовый ритм двадцатого века оттенял их, позволяя рассмотреть еще отчетливей. Ему не стало страшно или плохо: он четко знал, что нужно делать, чтобы уйти, избавиться от дурного. Ответ был прост: танцевать; он чувствовал, что должен танцевать, танцевать в полную силу. Это единственный путь. Ты обязан показать, что еще жив. Политические лозунги и выступления ничего не значат; ты должен праздновать радость жизни, чтобы показать всей этой серой силе и мертвым духам, которые заправляют всем, засирают тебе мозги и умертвляют, пока ты сам не становишься одним из них. Ты должен показать им, что, несмотря на все их попытки сделать из тебя такого же, превратить тебя в мертвеца, ты все еще жив. Глен понимал, что это не решение проблемы и, когда ты остановишься, все останется по-прежнему, но в данный момент он был на лучшей вечеринке в городе. Именно на такой, на какой хотел быть.

Глен посмотрел на Лоррейн и ее подругу. Он сам не замечал, что танцует как безумный, и только взглянув на девчонок, понял. Здесь не было выпендрежа, здесь всех охватило настоящее исступление. Это был не танец – слово не подходило. И здесь были они: Лоррейн и ее подруга Ивонн. Богиня Лоррейн. И богиня умножилась. Она уже была не одна – просто Лоррейн с подругой, когда он впервые заметил их. Теперь это были Лоррейн и Ивонн, захваченные безумной счастливейшей эмоцией танца, изначальная космическая скорость которого замедлялась до почти полной неподвижности под напором мигающих стробов и рваного брейк-битового ритма. Лоррейн и Ивонн. Ивонн и Лоррейн.

Единый оглушительный вопль поднялся из толпы, музыка достигла кульминации и сменила темп, постепенно входя в следующую тему. Обе девушки в изнеможении упали друг другу в объятия. В этот момент Глен почувствовал: что-то разладилось в языке их тел. Лоррейн и Ивонн целовались, и вдруг Ивонн начала сопротивляться и вырываться. Все происходило очень медленно в свете стробов. Казалось, что-то внутри у нее не выдержало и сломалось, что она переступила границу своей эмоциональной эластичности. Она вырвалась из их симбиотического объятия с рывком, который не смогли сгладить вспышки стробов, и застыла в неестественной позе. Лоррейн, казалось, взглянула на нее с изумленным презрением, затем перестала ее замечать.

Ивонн ушла с танцпола и направилась к бару. Глен смотрел на уходящую Ивонн, потом на Лоррейн. Лоррейн. Ивонн. Он пошел за Ивонн. Она стояла у стойки бара и пила воду. Этой ночью, которая изменила его жизнь, он дотронулся до ее плеча:

– Ивонн?

– Да... – медленно ответила Ивонн. – А ты Глен, да? Из больницы.

– Да-да, – улыбнулся Глен.

Она была прекрасна. Именно Ивонн. Ивонн и есть та единственная. Ивонн, Ивонн, Ивонн.

– А я не думала, что ты этим увлекаешься, – с улыбкой сказала она.

Ему показалось, будто она своими крупными белыми зубами вгрызается в его грудь и прокусывает дыру прямо в сердце. «Она охуенно красива, – решил про себя Глен. – За такую можно умереть».

– А, да, – ответил Глен, – конечно да.

– Тебе хорошо? – спросила Ивонн.

«Он просто красавец, – подумала она. Охуенный мужик. И на меня серьезно запал, как раз вовремя».

– Лучше никогда не бывало, а тебе?

– Становится гораздо лучше, – улыбнулась Ивонн.

Жизнь Ивонн тоже изменилась этой ночью.

10. Ребекка выздоравливает

Лоррейн измеряла Ребекке температуру, когда к ее знаменитой пациентке вошел ее не менее знаменитый посетитель.

– Ангелок! – воскликнул Фредди. – Как ты? Я еще вчера хотел было заглянуть, но эта встреча со спoo-нсорами никак не кончалась. Ну, как у нас дела?

– Мм, – начала было Ребекка, и Лоррейн дрожащей, нетвердой рукой вытащила у нее из рта градусник. – Фредди! Дорогуша! – Ребекка протянула руки и театральным жестом обняла гостя.

– Это же ты, Ребекка.

Лоррейн с трудом изобразила улыбку. Ей было нехорошо после вчерашнего, и ее мучила эта история с Ивонн. Она так глупо вела себя, потеряла над собой контроль... Нет, контроль над собой потеряла она сама... Лоррейн усилием воли пресекла зарождающийся приступ самобичевания. Сейчас явно был не тот момент.

– Спасибо, дорогая Лоррейн... ты не знакома с дорогушей Фредди?

– Не-а... – ответила девушка.

Она подала ему руку. Фредди пожал ее с усердием, после чего поцеловал в щечку. Лоррейн поморщилась от холодного и мокрого ощущения, которое оставила маслянистая слюна Фредди на ее лице.

– А я слышал о тебе, как ты отлично ухаживаешь за Ангелком, – с улыбкой произнес Фредди.

Лоррейн пожала плечами.

– Ах, Фредди, Лоррейн обо мне так заботится, правда, милая?

– Ну что вы, это же моя работа, в самом деле.

– И все же ты делаешь ее с такой отдачей, с таким *savoir faire*². Я просто настаиваю, дорогуша Фредди, используй все свое влияние, чтобы Лоррейн повысили в этом лечебном учреждении.

– Я думаю, ты, это, того... сильно преувеличиваешь возможности простого деревенского па-а-рня из Соммерсета, Ангелочек, но я уж, как говорится, постараюсь вложить нужные слова в правильные ушки.

– Сделай одолжение, Фредди. Ведь лишь благодаря моей сестричке Лоррейн я могу вернуться домой на следующей неделе. И я похудела килограмм на пять. Ах, дорогуша Фредди, я так опустила за последние годы. Обещай мне, что честно скажешь, когда я снова начну толстеть, и не будешь мне больше лстить. Ну пожалуйста, дорогуша, ну пообещай же!

– Как скажешь, Ангелочек! Очень рад, что тебя скоро отпустят домой, – с улыбкой сказал Фредди.

– Да-да, и Лоррейн приедет ко мне в гости, правда, милая?

– Ну, вообще-то... – промямлила Лоррейн.

Меньше всего сейчас ей хотелось именно этого. У нее болели ноги; и она знала, что к концу смены заболят еще сильнее. Глаза устали; посмотрев на кровати, на которых надо было поменять белье, ей ужасно захотелось прилечь прямо сейчас на одну из них.

² Находчивость (*фр.*).

– Ну же, пообещай, что приедешь, – надулась Ребекка.

Ребекка вызывала у Лоррейн странное чувство. С одной стороны, ей претил ее покровительственно-капризный тон. С другой стороны, Лоррейн испытывала дикое желание растормошить это глупое, раздувшееся существо, эту наивную и обманутую женщину, сказать ей, какая она дура, как ей нужно посмотреть реальности в глаза и забыть свои детские фантазии. И все-таки где-то в глубине души ей было жаль Ребекку, хотелось защитить ее.

Лоррейн видела, что, несмотря на всю свою навязчивость и жалкость, Ребекка была хорошей, честной женщиной.

– Ладно, приду, – ответила она.

– Вот и замечательно! Видишь, Фредди, Лоррейн даже вдохновляет меня снова писать. Я хочу написать с нее героиню нового романа. И назову ее Лоррейн. Хотя я и собиралась прозвать ее Агнес, думаю, ничего страшного, если имя будет звучать немного по-французски. Быть может, у Флоры был любовник-француз, пока она не встретила священника. Старая связь, понимаешь? Боже, у меня снова столько идей! Я определенно посвящу эту книгу тебе, дорогая, дорогая сестричка Лоррейн!

Лоррейн внутренне содрогнулась.

– Вот и здорово, – заключил Фредди, с нетерпением предвкушая поход в патологоанатомию, – но мне пора. А что, Ангелок, с женщиной в соседней палате?

– Ах, она очень больна. Думаю, ей остались считанные дни, – вздохнула Ребекка.

– Какой ужас, – ответил Фредди, с трудом скрывая радость предвкушения.

Женщина была довольно грузной – счастливое забытие в такой массе плоти. «Покорить всю эту грудку мяса – все равно что на Эверест забраться», – произнес он про себя с чувством глубокого удовлетворения.

11. Без названия – в работе

Страница 47

В последних числах марта Лоррейн с мисс Мэй отправились в дальний путь, конечным пунктом коего был Лондон. Для девушки из шотландского захолустья, никогда и никуда не ездившей, кроме как давным-давно в Эдинбург, каждый новый день в пути был полон впечатлений. К тому же она, особенно вначале, пребывала в радостном возбуждении, вызванном той небольшой, но неожиданной суммой денег, шестьюдесятью фунтами, которыми заботливый отец наделил ее перед отъездом.

Женщины передвигались в старом экипаже, влекомом двумя статными лошадьми под управлением Тама Крейга, селькирского мужика, неоднократно уже проделывавшего этот путь. Для человека, привыкшего к езде в почтовой карете, неповоротливый и скрипучий экипаж, запряженный всего лишь двумя лошадьми, сулил мучительно медленное путешествие. И если Лоррейн оно казалось настоящим приключением, то для ее спутницы, мисс Мэй, – невыразимо скучным. Она рассудила, что единственным преимуществом такого способа передвижения был повышенный комфорт.

Но, несмотря на все это, путешествующим дамам доставляли удовольствие отменные угощения на частых остановках, да и кровати в постоялых дворах обычно были вполне удобны. Лоррейн пришлось по душе трехдневная остановка в Йорке, которая случилась по совету Тама Крейга, заметившего усталость одной из лошадей. Лоррейн так полюбился город, что она упрашивала остаться здесь еще хоть на день, но неумолимый шотландец-

кучер заявил, что лошади вполне готовы, а мисс Мэй, как и обычно, воспользовалась правом решающего голоса.

– Мой долг – доставить тебя к леди Хантингтон, дорогая. И хоть срок твоего приезда не был назван, я не могу позволить тебе задерживаться в каждом интересном пункте нашего пути! Промедление – для нас помеха!

С этим они и отбыли.

Дорога до Грантама была небогата приключениями. Сильный дождь застал их при приближении к Гонербби Мору, затопив живописные линкольнширские поля. Вдруг, будто из ниоткуда, их обогнала почтовая коляска, запряженная четверкой, причем с такою быстротой, что смиренные животные, тащившие экипаж наших героинь, понесли, и он съехал на обочину. От резкого рывка мисс Мэй стукнулась головой.

– Что...

– Мисс Мэй, – Лоррейн схватила ее за руку, – с вами все в порядке?

– Да, да, девочка... Я испугалась, что экипаж мог перевернуться... Скажи мне, что случилось?

Выглянув в окошко, Лоррейн увидела, что Там Крейг яростно машет кулаком, и слышала проклятия на гортанном шотландском, каких она прежде не слыхала.

– Ах вы, черти! Я повырезаю вам трусливые английские сердца!

– Мистер Крейг! – возмутилась мисс Мэй.

– Простите, мэм, – меня взбесила неучтивость тех военных, что были в той коляске. Пускай они и офицеры, но никакие не джентльмены, это точно.

– Возможно, они торопились скорей добраться до ночлега, – произнесла мисс Мэй. – Нам тоже надо поспешить.

– Простите, мэм, но одна лошадь охромела. Придется в Грантаме ее заменить, и, боюсь, на это у нас уйдет уйма времени.

– Отлично, – тяжело вздохнула мисс Мэй. – Ах, Лоррейн, как меня утомило это путешествие.

Путь в Грантам оказался дольше, чем предполагалось, по причине хромоты одной из лошадей. В «Голубой таверне» мест не оказалось, – путешественницам пришлось довольствоваться менее благородными условиями. Выходя из экипажа, кучер Там заметил, как мимо них быстрым шагом прошли четверо офицеров из почтовой коляски, причинившей им столько неудобств, и не смог удержаться, чтобы не заворчать им вслед.

Один из них, темноволосый молодой человек приятной наружности со слегка вызывающей улыбкой, пристально взглянул на Лоррейн, отчего девушка, зардевшись, потупила взор. Заметив этот взгляд, мисс Мэй с одобрением кивнула, отмечая поведение Лоррейн.

Стоянка в Грантаме продлилась еще два дня, но остаток пути в Лондон прошел без приключений, и вскоре наши героини в отменном расположении духа прибыли в роскошный кенсингтонский особняк графа Денби и леди Хантингтон.

Лондон потряс Лоррейн; размеры и масштаб столицы превзошли самые смелые ее ожидания. Леди Хантингтон, прелестная женщина на вид гораздо моложе своих тридцати шести (а мать Лоррейн была одного возраста с подругой), была заботливой хозяйкой. К тому же у Лоррейн была мисс Мэй, к которой лишь леди Хантингтон смела обращаться по имени – Аманда и

которая неотрывно следила за девушкой на каждом шагу ее выхода в свет. Граф Денби – благородный и красивый мужчина – вместе со своей супругой казался воплощением жизнелюбия и веселья.

Обеды в Рэдком-Хаусе всегда были событием, даже если в доме было совсем немного гостей.

– Ну разве это не восхитительно? – обращалась Лоррейн к неизменной своей спутнице мисс Мэй.

– И это еще довольно скромно. Наберись терпения, и ты увидишь Торндайк-Холл, моя девочка, – с улыбкой отвечала мисс Мэй. Лоррейн с нетерпением ожидала поездки в Торндайк-Холл – древнее родовое поместье Денби в Уилтшире.

Однажды вечером, на одном из скромных обедов в присутствии всего лишь нескольких гостей, Лоррейн ощутила на себе игривый взгляд молодого и симпатичного мужчины. Он показался ей знакомым – Лоррейн подумала, что уже видала его на одном из обедов. Мужчина же, одетый безупречно согласно современной моде, кинул слегка насмешливый взгляд на своего друга и хозяина дома, графа Денби, и воскликнул по-театральному громким голосом:

– Ах, Денби, старый негодник, ты обещал, что мы отлично повеселимся с гончими на выходных в Уилтшире, но скажи, чем развлечешь ты меня сегодня?

Юный возмутитель спокойствия улыбнулся Лоррейн, и она тотчас вспомнила, где видела его раньше: он был одним из офицеров из почтовой коляски, задержавшей ее путешествие в Лондон, причем именно тот, который смотрел на нее в Грантаме.

– Мою повариху, – слегка встревоженно ответил Денби, – многие считают искусницей...

– Но, – своенравно перебил его мужчина, еще раз бросив игривый взгляд в сторону Лоррейн, которая зарделась, как и в первый раз, – меня не ублажить пресловутым искусством поварихи! Я приехал в надежде увидеть здесь всевозможные неприличные оргии! – громко воскликнул он.

Лорд Харкорт, сидевший рядом, чуть не поперхнулся своим вином и с неодобрением покачал головой.

– Любезный Маркус! Нельзя же так! – с беззлобным укором сказала леди Хантингтон.

– Моя дорогая, – вступил лорд Харкорт, – вы уподобляетесь этому молодому нахалу, с такой готовностью обращая внимание на его наглую и непристойную болтовню!

– Вот оно – разлагающее общество влияние лорда Байрона и когорты его сподвижников! – с легкой ноткой презрения произнес, улыбаясь, Денби.

– Да-да, этот чертов поэтишка поднял тучи пыли! – воскликнул Харкорт.

– Скажите мне, – продолжал тем не менее молодой человек, – как это через месяц я отправлюсь на встречу с бонапартовскими головорезами, так и не занявшись чем-то посерьезней?

– Те занятия, на которые вы, кажется, намекаете, никогда не будут позволены под крышей этого дома, Маркус! – сердито отвечал Денби.

– Маркус, будьте умницей и умерьте ваш огненный пыл хотя бы на время обеда, а то ваши речи отдадут скандалом! Расскажите нам лучше что-нибудь из

своих военных историй, – мягко обратилась леди Хантингтон к неугомонному гостю.

– Не могу отказать вам, прекрасная миледи, – с улыбкой отвечал молодой человек, усмирленный и поверженный ласковым тоном и успокаивающей красотой хозяйки дома.

Именно так он и поступил и весь остаток вечера забавлял гостей историями из своей военной службы, выказывая необыкновенное остроумие и искусство рассказчика.

– Кто был этот молодой человек? – не сдержав любопытства, спросила Лоррейн у леди Хантингтон, когда гости наконец разъехались.

– Это был Маркус Кокс. Милейший юноша, один из самых престижных лондонских женихов, но, к несчастью, и ужасный сердцеед! В столице множество мужчин, имеющих не очень приглядную изнанку, и с ними нужно быть поосторожней. Но не сомневаюсь, твоя любезная матушка и наша дорогая Аманда рассказывали тебе об этом. Увы, но многие молодые удалыцы готовы сделать и сказать что угодно, чтобы только завоевать сердце и честь неопытной девушки. Когда мужчинам, даже с таким воспитанием, как у Маркуса, предстоит отправиться на войну, в их речах и поступках появляется отчаянная беспечность. Ибо, как это ни грустно, многие из них не возвратятся домой, и они прекрасно это понимают.

– Как хорошо вы знаете жизнь... – заметила Лоррейн.

– И именно поэтому мой долг – передать тебе те знания, которые мне посчастливилось приобрести, дорогая Лоррейн. Но сейчас нам пора за работу. Нам предстоит, как это ни утомительно, выполнить труднейшую и серьезнейшую задачу – выбрать наряды для завтрашнего бала.

Весь следующий вечер Лоррейн готовилась к балу под чутким руководством леди Хантингтон. Девушке даже не пришлось смотреться в зеркало: в глазах хозяйки дома росло неподдельное восхищение ее убранством, и зеркало казалось уже ненужным. Лоррейн и в самом деле была невероятно красива в своем платье алого цвета из индийского шелка.

– Как восхитительно ты выглядишь, дорогая, просто божественно! – ворковала леди Хантингтон.

Лоррейн подошла все-таки к зеркалу и, взглянув на отражение, воскликнула:

– Неужели это я? Не может быть!

– Конечно же ты, дорогая, конечно ты. Как ты похожа на свою милую матушку...

На балу красавцы-офицеры наперебой приглашали ее танцевать, все искали знакомства с юной прелестницей. Вальс – самый восхитительный танец на свете, и Лоррейн была опьянена музыкой и движением.

После танца с одним высоким офицером леди Хантингтон и лорд Денби отозвали Лоррейн в сторону.

– Дорогая Лоррейн, мы так гордимся тобой! Как жаль, что твоя милейшая матушка не видит тебя сейчас, – одобрительно прошептала на ухо девушке ее благородная покровительница.

С теплотой и любовью вспомнила Лоррейн своих любезных родителей, оставшихся в далекой Шотландии в своем одиноком жилище, и жертвы, что они принесли ради исполнения ее мечтаний.

– Да, милая, твой выход в свет прошел даже с бóльшим успехом, чем я мог предполагать! Каждый молодой офицер моего полка просил о чести танцевать с тобой! – радостно сказал лорд Денби.

– Увы, но я – всего лишь тень блистательной красоты вашей супруги, милорд, – с улыбкой отвечала Лоррейн.

Присутствующие увидели в этом замечании прелестной дебютантки скорее откровенное признание правды, нежели корыстную демонстрацию преклонения или признательности по отношению к своей покровительнице.

– Ты, конечно, льстишь мне, милая! Все взгляды обращены только на тебя, моя малышка. Смотри внимательно и терпеливо жди, мой ангел, – держи в узде необдуманные стремления. Ты узнаешь свой идеал, когда он тебе явится, – уверила леди Хантингтон девушку, улыбаясь своему супругу, который нежно пожимал ей руку.

Лоррейн была тронута до слез. Она почувствовала, что хочет танцевать с самым красивым мужчиной в этом зале.

– Могу ли я пригласить вас, милорд? – обратилась она к Денби.

– Нет-нет, ни за что! – рассмеялся Денби в притворном гневе.

– Ты никогда не сможешь заставить танцевать его вальс, мое дитя; его светлость – ярый противник распространения подобной музыки в Британии.

– Не могу не согласиться с его светлостью на этот счет, – с резкостью заметил лорд Харкорт, приближаясь к компании, – ибо эта упадническая музыка – не что иное, как подлая уловка наших заморских врагов.

Лоррейн была поражена, что мудрый лорд так невзлюбил эту прекрасную музыку.

– Отчего вы так полагаете, милорд? – обратилась она к Харкورتу.

Лорд отступил на шаг, и подбородок его уткнулся в шею.

– Что? – начал он возмущенно, впервые встречая такую вольность от молодой женщины. – Подобная близость джентльмена и леди неприлична и непростительна и не может быть ничем иным, как попыткой заморских врагов империи ослабить боевой дух британского офицера путем морального разложения и склонения его к разврату! Грязь эта распространяется подобно злому вирусу по всему благородному обществу, и я содрогаюсь при мысли о тех опасностях, что подстерегают наших доблестных воинов, если они последуют этому дьявольскому примеру!

– Ах, оставьте, дорогой Харкорт, – улыбнулась леди Хантингтон и, заставив благородного лорда пропустить ее, будто летя, побежала вниз по мраморным ступеням.

Муж с одобрением провожал супругу взглядом, от которого не могли скрыться направленные на нее такие же восхищенные взгляды других гостей.

Лоррейн не оставила без внимания выражение его лица и поспешила обратиться к Денби:

– Милорд, я лишь могу надеяться, что когда-либо буду восхищать людей такой божественной красотой, как сегодня восхищает ваша супруга, леди Хантингтон. Я преклоняю колени перед благородной грацией этой дамы, я...

Лоррейн не суждено было закончить, ибо леди Хантингтон, запутавшись в многочисленных юбках, споткнулась, упала и покатила вниз по мраморным

ступеням лестницы. Гости застыли в молчаливом ужасе, но все они находились достаточно далеко от падающей женщины, чтобы подхватить ее, а сама несчастная не могла остановить падения и продолжала катиться, ударяясь о каждую ступеньку, все ниже и ниже. Тяжелое мгновение длилось вечность, пока истерзанное тело не прекратило падения, остановившись в самом конце лестницы.

Граф Денби первым подбежал к пострадавшей. Он прижал к груди ее растрепанную светловолосую голову, и глаза его наполнились слезами, когда он почувствовал, как кровь струится по его ладоням и капает на мраморные плиты. Денби поднял глаза к небу, проникая взглядом за шикарную роспись потолка бального зала. Он понимал одно: по неведомой, случайной, злой воле небес он разом лишился всего, что было ему дорого, всего, что он так страстно любил.

– Нет Господа на небе, – тихо, почти шепотом, сказал он, затем еще тише повторил: – Нет Господа.

12. Ребекка возвращается к старому

Ребекке казалось, что у нее новый инсульт. Сердце ее отчаянно колотилось, пока она листала лежащий перед ней журнал. В нем были фотографии двух женщин в разных позах. Одна из них, сообразно названию журнала – «Фигуристые феминистки фигачат фистинг», – как будто засовывала сжатый кулак в вагину партнерши.

Ребекка мысленно вернулась к прошлой пятнице, тому дню, когда мир ее перевернулся. Это было хуже инсульта, гораздо обыденней, злей и тошнотворней. В этом было больше унижения, чем в болезни, со всей ее беспомощностью и уродством. В прошлую пятницу, после выписки, Ребекка отправилась по магазинам. Она только вышла из «Хэрродса» с новыми нарядами, морально наслаждаясь тем, что теперь ее одежда была на размер меньше прежнего. И тут, из окна такси по дороге домой, она заметила Перки, прямо посреди оживленной кенсингтонской улицы. Она попросила таксиста остановиться и вышла из машины с мыслью проследить за мужем, представляя себе, как забавно будет пошпионить за возлюбленным Перксом.

Ей стало слегка не по себе, когда Перки зашел в один из домов и скрылся в маленькой квартирке. Первой мыслью Ребекки было, что здесь замешана другая женщина, и сердце ее екнуло. Она вернулась домой мрачнее тучи, борясь со страстным желанием набить живот едой до отказа, пока желудок ее не разорвется. Когда позыв прошел, она ощутила, что не смогла бы проглотить и кусочка, хоть бы ее и заставляли. Ей хотелось только одного – узнать правду.

После того случая она следила за Перки несколько дней, но каждый раз он заходил в квартиру один. Ребекка целую вечность подглядывала за дверью, но не видела, чтобы кто-нибудь заходил внутрь или выходил наружу. Скорее всего, в квартире никто не жил. Один раз она подошла к двери и позвонила. Никто не открыл. Ребекка проделала это несколько раз, но каждый раз никого не оказывалось дома. Она рассказала о своем открытии Лоррейн, которая зашла как-то к Ребекке по ее просьбе на чай. Именно Лоррейн предложила порыться у мужа в кармане на предмет ключа. Ребекка и в самом деле нашла ключ и сделала с него дубликат. Зайдя в дом одна, она обнаружила, что квартира представляет собой небольшую студию. Там была целая порнографическая библиотека: журналы, видеокассеты и, самое ужасное, видеокамера, установленная на треноге перед кроватью, которая, в купе с телевизором и стеллажом с книгами, журналами и кассетами, составляла всю обстановку комнаты.

И вот Ребекка сидит здесь в одиночестве, разглядывая этот журнал – «Фигуристые феминистки фигачат фистинг». Она не смогла заставить себя просмотреть видеопленки, в особен-

ности домашнее видео. На кассетах были приклеены ярлыки с именами женщин. «Именами шлюх», – подумала она с горечью: Кэнди, Джейд, Синди и им подобные. Ребекка снова ощутила пораженную половину лица. На этот раз не жжение – щека стала влажной. Ребекка в сердцах бросила «Фигуристых феминисток» Перки на пол.

Внутренний голос посоветовал ей сделать дыхательное упражнение. Она глубоко задышала, срываясь на периодические рыдания, затем вошла в нужный ритм. Наконец она громко и холодно произнесла:

– Ублюдок!

Странное ледяное спокойствие овладело Ребеккой, и она непроизвольно продолжила осмотр квартиры. И тут обнаружила нечто, сыгравшее роль последней капли, – коробку с папками, в которых были собраны многочисленные финансовые балансы, квитанции и счета. Ребекку начало трясти. Ей было остро необходимо оказаться с кем-то рядом. И единственным человеком, о ком она подумала в этот момент, была Лоррейн. Ребекка набрала ее номер, и бывшая когда-то ее медсестрой, а теперь и подруга известной писательницы сняла трубку.

– Пожалуйста, приезжай, – тихим голосом попросила Ребекка, – пожалуйста, приезжай.

Лоррейн только что освободилась после смены и собиралась лечь спать. Прошлой ночью она неплохо повеселилась в клубе и сегодня целый день страдала, но, услышав голос Ребекки на другом конце провода, быстро накинула на себя первое, что попало под руку, выскочила на улицу и поймала такси до Кенсингтона. Она никогда раньше не слышала такой боли и отчаяния в голосе человека.

Лоррейн встретила с Ребеккой в баре рядом со станцией метро, за углом от потайной квартиры. Она сразу заметила, что случилось что-то страшное.

– Меня предали, меня подло предали, – произнесла Ребекка полным холода, дрожащим голосом. – Это я оплачивала все его... Все это была ложь, Лоррейн... все это была мерзкая ложь! – зарыдала она.

Лоррейн было тяжело видеть Ребекку в таком состоянии. Она сильно изменилась: эксцентричная женщина, какой ее знала в больнице Лоррейн, интригующая и раздражавшая в одно и то же время, исчезла бесследно. Сейчас она выглядела беспомощной и в то же время настоящей. Безумная тетушка превратилась в обиженную сестру.

– Что мне теперь делать?.. – плача, обратилась она к Лоррейн.

Лоррейн посмотрела ей в глаза:

– Вопрос не в том, что ТЫ теперь будешь делать. Вопрос в том, что этот долбаный урод, мерзкий паразит будет теперь делать. Деньги у тебя. Тебе никто не нужен, Ребекка, тем более какой-то жалкий мудака. Оглянись вокруг. Ему сходило все это с рук, потому что ты зарылась головой в пизду в своем сказочном мире. Именно поэтому он мог зарабатывать на тебе, дурачить тебя!

Ребекка была неприятно поражена внезапной вспышкой Лоррейн, хотя она понимала, что все это было не просто так. Несмотря на собственную боль, она сочувствовала эмоциональному порыву девушки.

– Лоррейн, в чем дело? Что у тебя стряслось? – Ей не хотелось верить тому, что все это сказала Лоррейн. Только не она, только не ее сестричка...

– В чем дело? А в том, что я каждый день вижу в больнице людей, у которых нет ни гроша за душой. Потом я еду домой, в Ливи, и там тоже ни хрена ни у кого нет. А у тебя, у тебя есть все. И что ты с этим всем делаешь? Ты позволяешь какой-то мерзкой свинье все спустить!

– Да, я знаю... Я знаю, что живу в романе... в стране мечты, как ты сама сейчас сказала. Быть может, я столько времени писала всю эту чепуху, что сама начала в нее верить... Не знаю... Все, что я знаю, так это что Перки всегда был со мной, Лоррейн, Перки всегда был рядом.

– Всегда с тобой рядом, глядя, как ты толстеешь всем на потеху, и сам потакал тебе, чтобы ты задницу с дивана не поднимала, превращаясь в тупой жирный овощ. Выставлял тебя на посмеище... знаешь, как о тебе говорили в палате? Все говорили: какая она тупица. Потом моя подружка, Ивонн, говорит: не такая уж она и дура, столько денег заработала, а мы тут горбатимся круглые сутки за какие-то гроши. Да, и я согласилась. Я решила про себя: а ведь правда, она только делает вид, что дура, а сама все сечет. Теперь ты мне рассказываешь, что он тебя обкрадывал все это время, а ты даже ни о чем не подозревала.

Ребекка почувствовала растущее в ее груди возмущение:

– Ты... ты... да ты просто ненавидишь мужчин. Как я раньше не заметила... ты не любовные романы ненавидишь, а всех мужчин на свете, да? Да!

– Да не ненавижу я мужчин, ну только таких, какие мне попадаются!

– Какие это такие?

– Ну, в школе хотя бы. Знаешь, как меня прозвали дома в Ливи, в школе Крейгшиле, – Лоррейн Гиллесби. Меня лесбиянкой считали только потому, что хоть у меня грудь уже в тринадцать лет появилась, а я не собиралась трахаться с первым, кто ко мне подъезжал или глазки мне строил. Только потому, что я не желала этого дерьма. У меня восемь двоек было, я выпускные экзамены сдавала, хотела в университет поступать. А новый материн муж вечно меня лапал, так что я даже к экзаменам не могла подготовиться. Мне оттуда нужно было уехать, вот я и устроилась сюда медсестрой. И даже здесь все равно ко мне все лезут, все эти мудаки больничные. Я сама не знаю, кто я, может, и правда лесбиянка... Я просто хочу побыть одна, чтобы все для себя самой понять.

Теперь уже Ребекка утешала разрывающуюся Лоррейн:

– Все будет хорошо, дорогая... все будет хорошо. Ты еще такая молодая... все это, конечно, очень сложно. Но ты обязательно найдешь кого-нибудь...

– Вот именно, – глотая слезы, произнесла Лоррейн, – я никого не хочу находить, пока не хочу, во всяком случае. Я себя сначала хочу найти.

– А я – себя, – тихо ответила Ребекка, – и мне нужен друг, который бы мне помог.

– Да, и мне тоже, – улыбнулась Лоррейн. – Ну, что будем теперь делать?

– Ну, сперва мы надеремся как следует, потом пойдем посмотрим кассеты Перки – проверим, что он там наснимал, а потом я займусь тем, что делала всегда.

– А что это? – спросила Лоррейн.

– Буду писать дальше.

13. Перки читает рукопись

Все было замечательно – молоденькая сестра-шотландка вертелась дома почти постоянно, старушка продолжала строчить роман с дьявольской скоростью. Случалось, что, когда сладкая малышка Лоррейн была неподалеку, Перки не мог даже заставить себя отлучиться на свою потайную квартиру. Он сладострастно представлял себе, как однажды придет туда вместе с Лоррейн. Он морально созрел отвезти ее на эту квартиру, пора было сделать свой заветный ход.

И однажды Перки наконец решился. Он слышал, как Лоррейн с Ребеккой хохотали в ее кабинете, и, когда девушка собралась уходить, как бы невзначай спросил:

– Куда направляешься, Лоррейн?

– Да обратно, в больницу.

– Отличненько! – пропел Перки. – А я еду как раз в ту сторону. Давай подвезу тебя до работы.

– Ну просто замечательно, Перки, – заметила Ребекка. – Видишь, какой он милый, Лоррейн? Что бы я делала без него?

Женщины обменялись многозначительными взглядами, не замеченными Перксом.

Лоррейн забралась на переднее сиденье, и Перки нажал на газ.

– Слушай, Лоррейн, надеюсь, ты не против, – начал он, сворачивая на маленькую улочку, где притормозил, – нам надо поговорить по поводу Ребекки.

– Ну-у?

– Ты стала ей такой хорошей подругой, и я подумал, что должен как-то отблагодарить тебя за трогательную заботу о ее выздоровлении.

Перки порылся в бардачке и вручил Лоррейн коричневый конверт.

– Что там?

– Открой и посмотри!

Лоррейн и так знала, что там были деньги. Она заметила крупные купюры и могла сказать наверняка, что в конверте было не меньше тысячи фунтов.

– Здорово, – сказала она, пряча конверт в сумочку, – очень приятно.

«А маленькой сучке нравится звон монет», – с удовлетворением подумал Перки. Он вплотную придвинулся к Лоррейн, и рука его, как бы невзначай, опустилась на ее коленку.

– И там, откуда вот это, есть гораздо больше, скажу я тебе, моя маленькая красавица... – на выдохе прошептал он.

– Ага, – улыбнулась Лоррейн.

Ее рука дотянулась до его паха. Она расстегнула ширинку и запустила руку в штаны Перки. Лоррейн нащупала его мошонку и крепко сжала. Перки глубоко вдохнул. Он был на седьмом небе. Она сжала чуть сильнее, затем еще сильнее, и рай Перкса начал превращаться в нечто иное.

– Еще раз тронешь меня – я тебе, мудака, шею сверну, – оскалила зубы Лоррейн.

Блаженная улыбка мгновенно стерлась с лица Перки, когда ее крепкий лоб с силой врезался в его переносицу.

Когда Лоррейн ушла, Перки остался в машине, одной рукой прижимая к носу окровавленный платок, а другой массируя пострадавшую мошонку. Некоторое время он просто сидел, пытаясь прийти в себя.

– О боже, – простонал он, заводя машину и направляясь к потайной квартире. Руки его дрожали. «Мне нравится, когда они фигачат, но не настолько же, черт возьми», – подумал он страдальчески.

Просмотр нескольких старых кассет слегка взбодрил Перки. Особенно его любимое видео с Кэнди. Вот кто за деньги мог вытворять что угодно, именно как и должна вести себя настоящая шлюха. У многих из них были свои предсказуемые границы, и это было плохим качеством для шлюхи, размышлял Перки. Нет, ему точно нужно еще раз встретиться с Кэнди.

Вернувшись домой в более приемлемом расположении духа, Перки Наварро с удовлетворением заметил, что рукопись Ребекки стала еще толще. Сама Ребекка, как ни странно, похудела. Диета и упражнения, казалось, вершили чудеса. Ребекка теряла вес. Она сменила стиль одежды и даже каким-то образом изменилась в целом. Это замечали и посторонние. Она похудела килограмм на пятнадцать со времени инсульта. Лицо ее тоже вернулось к норме. Эти перемены были интересны Перки, однако новые незнакомые чувства беспокоили его и смущали. Он даже ощутил как-то легкое возбуждение в ее присутствии и предложил нарушить правило спать в разных комнатах и лечь вместе впервые за последние три года.

– О нет, дорогой. Я так сильно устала, мне же надо закончить книгу, – ответила на его предложение Ребекка.

«Ничего-ничего, – подумал он про себя, – главное, работа над рукописью продвигается». Она строчила как пулемет. И это утешало Перки. Ребекка завела привычку зачем-то запираť свой кабинет. Но в этот вечер, когда она ушла из дома, а делала она это все чаще и чаще,

дверь кабинета была не только не заперта, а широко распахнута. Перки зашел в кабинет, взял рукопись и начал читать.

14. Без названия – в работе

Страница 56

Грусть воцарилась в Рэдком-Хаусе после кончины леди Хантингтон. Лоррейн, теперь исполнявшая роль хозяйки дома, была крайне озабочена душевным состоянием графа Денби, который стал все чаще и чаще искать утешения в вине и посещении опиумных курилен Лондона. Благородный граф так пал духом, что Лоррейн не могло не обрадовать известие о скором возвращении в Англию старого его друга Маркуса Кокса.

Однако Маркус тоже изменился. Война оставила неизгладимый след на беспечной прежде натуре, и он вернулся с лихорадкой. Лоррейн охотно разделяла его уверенность в том, что боль его светлости можно унять, не прибегая к низменным привычкам падшего духа.

– Нужно увести Денби из Лондона, – убеждал ее Маркус. – Мы все должны отправиться в родовое поместье Торндайк-Холл в Уилтшире. Графу необходимо развеяться и стряхнуть свою меланхолию, пока она не сгубила его душу.

– Да, отдых в Торндайк-Холле поможет ему воспрянуть духом, – согласилась Лоррейн.

Перки отложил рукопись и налил себе шотландского виски. Пролистав еще несколько страниц, он одобрительно кивнул. Все было идеально. Но дальше, дальше текст менялся. Перки не верил своим глазам.

Страница 72

Тринадцатый граф Денби стоял посреди просторного сарая в нескольких милях от Торндайк-Холла, по дороге в деревню, с повязкой поверх глаз и связанными за спиной руками. Его эрегированный пенис торчал из прорези в длинной белоснежной сорочке, покрывавшей его грудь, живот и бедра.

– Дайте же мне задницу, черт вас подери! – пьяным голосом вскричал он, и толпа зевак, собравшаяся в хлеву, ответила ему нестройным веселым гоготом.

– Терпение, Денби, старый мошенник!

Граф узнал голос своего друга Харкорта. И в самом деле, Денби не терпелось приступить к развлечению, которое готовило ему это пари.

Три деревянных помоста были установлены напротив Денби. На первом – обнаженная, связанная девушка с заткнутым кляпом ртом стояла на четвереньках так, что ягодицы ее выступали за границу помоста. На следующем в таком же положении находился мальчик. И наконец, на третьем была помещена крупная черномордая овца, тоже связанная, с засунутым в глотку кляпом.

Высота помостов регулировалась лебедками, что позволяло сгладить разницу в росте участников – предметов пари. Харкорт распорядился предпринять необходимые меры, с тем чтобы задние отверстия всех троих находились на одном уровне и были одинаково готовы принять набухший член Денби.

Харкорт прошептал графу в ухо:

– Помни, Денби: ни для мальчика, ни для девушки, ни для овцы содомия не будет в новинку.

– Я отлично осведомлен как о них самих, так и о прошлом опыте всех троих, лорд Харкорт. Неужто ты боишься проиграть, мой давний друг? – насмешливо спросил приятеля Денби.

– Как бы не так! Видишь ли, Денби, я просто твердо убежден, что ты превратился в жалкого старика и не способен после алкогольных возлияний определить, с кем ты совокупишься, – самодовольно отвечал Харкорт.

– Ставлю на моего друга графа! – провозгласил Маркус Кокс, вызвав хохот толпы молодчиков, и опустил флорин в ладонь хозяина.

Труднее всего было заставить стоять спокойно девушку. Обычно покладистая, девушка-служанка, и прежде не обделенная вниманием большинства собравшихся, впала в легкую панику, будучи лишенной возможности видеть и двигаться из-за веревок, кляпа и повязки на глазах.

– Тише, моя сладкая, – прошептал Харкорт, взбираясь ей на спину и раздвигая ягодички, открыв тем самым путь для члена графа Денби.

Грубыми движениями он смазал маслом ее анус и, пытаясь вставить в него свой палец, с удивлением отметил напряжение, видно вызванное страхом, какого он не встречал в девице ранее, с тех самых пор, как самолично ее обесчестил. Он посчитал, что и мальчуган, и овца пребывают в таком же напряжении и что в этом смысле участники будут на равных.

Арланд с облегчением смотрел, как член Денби входит внутрь, практически не встретив сопротивления. Он порадовался своему выбору – девчонку имели в задний проход с восьми лет от роду, и сфинктер ее был привычен к такому обхождению.

– Ммм, – улыбнулся Денби, резким толчком вводя свой член глубже.

Произведя ряд фрикций, Денби, не пролив семени, вытащил сохранивший эрекцию пенис наружу.

Харкорт встал рядом с мальчуганом, раздвинул ему ягодички и обмазал его маслом с большей нежностью и старанием, чем он выказал по отношению к девице. Мальчишка был его любимцем, и он боялся, что Денби своим напором может вывести его на время из строя. Будучи направляем прислугой, покрытый кровью и фекалиями член Денби нащупал возжеленную цель.

– Черт побери... – с чувством выдохнул Денби, когда мальчуган, который, как и его предшественница, с ранних лет был привычен к анальным развлечениям своего хозяина, застонал под маской.

– Следующий! – взревел Денби, вынимая пенис под одобрительный шум толпы.

Харкорт пренебрежительно взобрался на овцу верхом, и двое прислужников развели ей в стороны задние ноги. Лорд осмотрел гладко выбритый участок вокруг заднего прохода животного. Затем, по поданному им знаку, один из слуг смазал маслом анус скотины.

Несмотря на державших ее сильных слуг, овца оказала отчаянное сопротивление, извиваясь и отбрыкиваясь, пока Денби с трудом входил в нее. Граф затолкнул свой пенис глубже, лицо его залилось краской, и громогласный крик заполнил помещение:

– ПОДЧИНИСЬ МНЕ, ЧЕРТ ПОДЕРИ!.. Я – ГРАФ ДЕНБИ! Я ПОВЕЛЕВАЮ ТЕБЕ ПОДЧИНИТЬСЯ!

Овца отчаянно сопротивлялась, и Денби был не в силах умерить свои восторги.

– Я – ДЕНБИ... – вскричал он, заливая анус животного своей спермой.

Крики одобрения раздалились из толпы, когда Денби, тяжело дыша, вытащил свой пенис из сладострастного укрытия и пришел в себя.

– Ну же, Денби? – обратился к нему Маркус Кокс.

Графу не сразу удалось вновь обрести дар речи.

– Никогда еще я не наслаждался так, как сегодня этим пари, любезный сударь, и никто не удовлетворял мою похоть так, как это последнее существо, достойное всяческого обожания. Слепая покорная тварь, откормленная на убой, не смогла бы увлечь меня так своею страстью... нет, это было больше, чем простое совокупление, – духовное слияние, какое я пережил с моим сладостнейшим и восхитительным партнером, превзошло все мыслимые пределы... это была истинная встреча наших душ... это было волшебное и самое что ни на есть человеческое соитие.

Слушавшие его молодчики с трудом сдерживали смешки, но Денби продолжал:

– Это последнее прекрасное совокупление было либо с прелестной девицей, либо с послушным мальчиком-слугой... да это и не важно. Я знаю лишь, что, кто бы это ни был, этому партнеру суждено стать моим. Я заявляю, что уплачу хозяину награду в сто фунтов стерлингов за услугу этого соития!

– Это щедрая награда, граф Денби, и я ее без колебаний принимаю.

Денби узнал голос Харкорта.

– Так это был парень! Я так и знал! Восхитительный мальчуган! Сто фунтов потрачены не зря! – воскликнул Денби, вызвав приступ смеха у своих зрителей. – Овца, девица и мальчишка, в таком порядке – держу пари!

Последние слова Денби потонули во взрыве бурного хохота. Когда повязку сняли с его глаз, граф вскричал с вынужденным весельем в голосе:

– Мой бог! Овца! Глазам не верю! Прекрасное животное – и с таким божественным терпением!

– Джентльмены! – Харкорт поднял свой бокал и голос. – Джентльмены! Как человек, далекий от салонных споров праздных теоретиков, хочу отметить интересный факт! Пусть нас рассудят друзья-юристы, но содомия – есть содомия!

Деревенские молодчики запели нестройными голосами:

Пусть кто-то любит мальчуганов,
А для кого-то лучше тетки,
Моя овечка всех милее,
Люблю чесать ее по холке.

Рукопись упала из рук Перки на пол кабинета. Он поднял трубку телефона и набрал номер издателя Ребекки.

– Джайлз, я думаю, ты должен срочно приехать. Срочно.

Джайлз по голосу понял, что Перки в панике.

– Что случилось? Что с Ребеккой? Она в порядке?

– Нет, – зло усмехнулся Перки, – она совсем, блин, не в порядке. Она очень даже не в порядке.

– Сейчас буду, – ответил Джайлз.

15. Перки расстроен

Джайлз, не мешкая, приехал в кенсингтонский дом Перки с Ребеккой. Он с ужасом читал рукопись, которая становилась чем дальше, тем хуже. Ребекка вернулась позже и застала обоих в своем кабинете.

– Джайлз, дорогой! Как дела? Ага, вижу, вы читаете рукопись. Ну, что вы думаете?

Джайлз, несмотря на свою злобу и беспокойство, был готов потакать Ребекке. Он ненавидел всех писателей; они неизменно бывали скучными, правильными, избалованными занудами. А самыми невыносимыми были те, кто считал себя истинным художником. Вот что, по видимому, случилось со старой коровой, решил он про себя, – слишком много времени для раздумий в этой больнице, и – вот тебе раз, решила заняться искусством! Задумалась о смерти из-за своей болезни и решила свой след оставить, и все за счет его прибылей! Но так или иначе, раздражая ее, ничего не добьешься. Ее надо осторожно и вкрадчиво заставить понять ошибочность своих новых взглядов. Джайлз только собрался пустить в ход безошибочный подход типа «интересное направление, дорогая, но...», но Перки, снедаемый гневом, опередил его.

– Бекка, дорогая, – заговорил Перки, скрежеща зубами, – не знаю даже, что ты нам тут пытаешься выдать...

– Тебе что, не нравится, Перки? Тебе не кажется, что это эпатирует, что это более... дико, что ли?

– Но это уже не любовный роман с участием мисс Мэй, дорогая, – прошепелявил Джайлз.

– Зато теперь, Джайлз, в нем – реализм. Нельзя же, как бы это выразиться, всю жизнь прожить, засунув голову в собственную пизду, ведь правда?

«Это все лекарство, – подумал Перки. – Старушка совсем рехнулась».

– Дорогая Ребекка, – увещевал ее Джайлз, – постарайся меня понять. – Он принялся ходить взад-вперед по комнате, размахивая руками. – Кто читает твои книги? Наша Ухти-Тухти, конечно же, та, на которой зиждется все здание нашего общества. Та, что несет на себе заботу о мужичке, который ходит работать, та, что растит детишек. Ты ее знаешь, ты ее видишь на всех рекламках стирального порошка. Да, она много и тяжело трудится, и, как и раб на полевых работах, она делает это с улыбкой на лице и, да-да, с песней в сердце! Это – скучная, серая, неблагодарная жизнь, и ей нужен хоть небольшой просвет. Да, разумеется, телевидение днем решает часть проблемы, но что же это за маленькая сладкая пилюля, которая поможет ей пережить все тяготы жизни? А это – взять с полки роман Ребекки Наварро о мисс Мэй и забыться в прекрасном мире любви и великолепия, который ты с таким чувством воссоздаешь. Это нужно всем Ухтям-Тухтям, да и молоденьким будущим Ухтям-Тухтям тоже.

– Вот именно, – соглашаясь, закивал Перки, – стоит тебе начать пророчить содомию и революцию, как эти накачанные валиумом коровы в ужасе выбросят твои книги на помойку – и где тогда окажемся мы?

– Скажи мне где, дорогой.

– На чертовой улице, продавая бомжовские газетенки, вот где! – взревел Перки.

16. Содомит среди регбистов

Ник Армитаж-Уэлсби подхватил мяч на самой границе поля и разогнался, забегая далеко вглубь территории противника и ловко обходя неумелую защиту. Немногочисленные зрители на стадионе в Ричмонде застыли в предвкушении – Армитаж-Уэлсби имел все шансы добежать до заветной черты. Однако пока противник беспорядочно перестраивался, Армитаж-Уэлсби передал слабый пас коллеге, затем грохнулся на грязный песок.

Он умер от обширного инфаркта еще до прибытия в больницу Святого Губбина.

Фредди Ройл с интересом осматривал тело, покоившееся на каталке больничного морга.
– О-о да, хорош, хорош! А-асобенно попка ничаво, как я погляжу... – Тут Фредди приготовился взглянуть поближе.

– Э-э, Фредди, – осторожно вступил Глен, – у нас тут новый патологоанатом, парень по имени Клементс, и он... ну, не совсем в курсе наших дел. Он сегодня дежурит и точно захочет повидать нашего приятеля, так что будь, э-э, понежнее.

– Ка-анечна, я буду с тобой нежен и ласков, мой цветочек, – улыбнулся Фредди, подмигивая мертвецу. Затем, обращаясь к Глену, он сказал: – Слушай, будь другом, найди-ка для Фредди веревочку.

Глен с неохотой порылся в ящичке и вытащил спутанный комок бечевки. Пусть делает что хочет, подумал он. Сегодня Глен встречается с Ивонн. Сначала они пойдут в кино, потом в клуб. А на деньги от Фредди он купит ей что-нибудь хорошее. Духи. Дорогие духи, подумал он. Глен представил себе лицо Ивонн, когда он вручит их ей. Это будет его праздник.

Фредди взял пару шин и подвязал их к вялому пенису Армитажа-Уэлсби. Затем он вставил жестяную коробочку между ног покойника, устанавливая подвязанный пенис сверху.

– Подожди, вот увидишь, как наш красавец зашевелится, с таким-то стояком, вот тут мы и повеселимся вволю! – с улыбкой произнес Фредди.

Глен извинился и поскорей вышел в приемную.

17. Лоррейн и любовь

Лоррейн много времени проводила у Ребекки. Она помогала ей в работе над рукописью. Вместе они ходили в Британский музей, в «картонный город»³, по станциям подземки, где видели матерей, просящих милостыню, поднимающих вверх своих исхудалых детишек.

– Я видела такое в Мехико лет десять тому назад, – вздыхала Ребекка, – и мне всегда казалось, что подобное не может происходить здесь, только не в Англии. Всегда смотришь в другую сторону и готов верить чему угодно, что все это не так, неправда; ты готов смотреть куда угодно, только не правде в глаза.

– Которая заключается в том, что у этих людей просто нет денег, чтобы прокормить своих детей, а правительство даже и не чешется, – усмехнулась Лоррейн, – а заботится лишь о том, чтобы богатые стали еще богаче.

Лоррейн бывает иногда такой жестокой, подумала Ребекка. Это плохо. Если ты позволяешь тем, кто тебя подавляет, озлобить себя, то ты проиграл, а они добились своего. Любовь не ограничивается творческим воображением. Именно так, любовь нужна людям, настоящая любовь. Любовь для всех, а не только на страницах книжки.

Такие мысли звучали в голове Ребекки, когда Лоррейн вернулась в свое сестринское общежитие. У нее тоже были свои поводы для беспокойства. Она уже целую вечность не говорила с Ивонн, избегая ее с той самой ночи в клубе. Ивонн теперь встречалась с этим парнем – Гленом и казалась совершенно счастливой. Вернувшись домой, Лоррейн услышала, что в комнате Ивонн играет хаус. Это была пленка *Slam*, которую Лоррейн подарила подруге уже тысячу лет назад.

Лоррейн собралась духом и постучала в дверь.

– Открыто, – ответила Ивонн. Она была одна.

– Приветик, – сказала Лоррейн.

– Привет, – ответила ей Ивонн.

³ «Картонный город» – район, где живут бездомные, часто в картонных коробках. В Лондоне самый большой – около вокзала Ватерлоо.

– Слушай, Ивонн, – нерешительно начала Лоррейн, а затем быстро выпалила: – Я пришла извиниться за ту ночь в клубе. Глупо, конечно, но я была так накачана и в таких эмоциях, а ты была настолько охуенно красива, и ты все-таки моя лучшая подруга и еще единственный человек, кто меня не напрягает...

– Да-да, все хорошо, все нормально, но я не такая, понимаешь...

– Конечно, но видишь, – рассмеялась Лоррейн, – я сама не уверена, что я – лесбиянка. У меня просто период такой с мужиками... сама не понимаю... может, я и лесбиянка, черт знает, что у меня не в порядке! Когда я поцеловала тебя там, я вела себя как большинство ребят ведут себя со мной... и это самое странное. Мне вроде как хотелось понять, что они ощущают. Мне хотелось почувствовать себя как они. Мне хотелось захотеть тебя, но у меня не получилось. Мне кажется, если бы я была лесбо, мне было бы легче, я хотя бы знала что-то про себя. Но ты меня не возбуждала.

– Не знаю, радоваться мне или плакать, – улыбнулась Ивонн.

– Понимаешь, парни меня тоже не привлекают. Каждый раз, как я пробовала с кем-то, было сплошное разочарование. Никто меня так не может удовлетворить, как я сама... – Лоррейн прикрыла рот ладонью. – Какая я глупая корова, да?

– Ты просто не нашла своего человека, Лоррейн. Не важно, кто это будет – парень или девчонка, главное – найти своего человека.

– Собственный опыт подсказывает, да?

– Ну да, – с улыбкой согласилась Ивонн. – Хочешь, сходим вместе в клуб сегодня вечером, а?

– Не-а, сделаю паузу с таблетками, а то уже с головой не в порядке. Сначала кажется, что всех любишь, потом все вдруг перестают нравиться. Да и отходняки становятся все тяжелее.

– И правильно делаешь, ты свое за последние пару лет отъела. И знаешь, хорошо еще отделалась, подружка.

Ивонн рассмеялась, затем поднялась и обняла Лоррейн. И этот жест значил для обеих девушек больше, чем они могли бы сказать друг другу словами.

Лоррейн вышла и задумалась о любви Ивонн и Глена. Нет, она не собиралась идти с ними в клуб. Когда двое любят друг друга, самое правильное – оставить их вдвоем. Особенно если ты сам не влюблен, а хочешь. Тебе будет неудобно. Может, даже больно.

18. Без названия – в работе

Страница 99

Ничто не могло остановить падения графа Денби. Слуги жаловались на беспорядок в доме, причиной которого было присутствие овцы Флосси, но тем не менее граф настаивал, чтобы ей прислуживала целая команда горничных, которая должна была содержать скотину в роскоши и довольстве и особенно заботиться о том, чтобы шерсть ее была безукоризненно ухожена.

– Флосси, мой ангел! – говорил Денби, потираясь возбужденным членом о шерстку своей черномордой возлюбленной. – Ты спасла меня от пустой и никчемной жизни, уготовленной мне безвременной кончиной моей прекрасной супруги... ах, Флосси, прости, что я в твоём присутствии вспоминаю об этой божественной женщине. Как желал бы я, чтобы вы когда-нибудь встретились! Как прекрасна была бы эта встреча. Увы, быть этому не суждено, нас осталось лишь двое, моя драгоценная. Как же возбуждаешь и терзаешь ты меня! Я целиком во власти твоих чар... – Граф почувствовал, как член его проникает в овечку. – Какое блаженство...

19. Докладная патологоанатома

Председатель правления Алан Свит ощутил то самое щемящее чувство, которого уже давно ждал. Кому-то суждено было принести плохую весть. С самого начала Свит невзлюбил молодого нахального Джеффри Клементса, нового патологоанатома. Теперь Клементс без стука зашел к нему в кабинет, сел в кресло и бросил на стол отпечатанную докладную. После того как Свит пробежал ее глазами, он твердым непреклонным тоном заговорил:

– ...и я был вынужден заключить, что тело мистера Армитаж-Уэлсби подверглось описываемому мной обращению в период, пока оно находилось в нашем ведении, тут, в больнице Святого Губбина.

– Послушайте, Клементс... – произнес Свит, глядя на докладную, – э-э, Джеффри... мы должны быть здесь абсолютно уверены.

– Я абсолютно уверен. Поэтому и докладываю, – резко парировал Клементс.

– Но разумеется, необходимо учесть все возможные факторы...

– А именно?

– Я хочу сказать, – начал Свит, дружески подмигивая Клементсу, и сразу же, еще до того, как бородатое лицо Клементса скривилось в презрительной гримасе, осознал всю неуклюжесть этого жеста, – Ник Армитаж-Уэлсби посещал частную школу для мальчиков и всю жизнь играл в регби. Оба этих фактора могут стать достаточным основанием для предположения, что он был не чужд подобному, э-э, обхождению...

Лицо Клементса выразило крайнее удивление.

– Я хочу сказать, – продолжил Свит, – не могли ли разрывы и контузии в области сфинктера появиться в результате игр и забав в раздевалке, которым бедняга, возможно, предавался во время перерыва незадолго до того, как его привезли сюда?

– Как профессионал, решительно заявляю, что не могли, – холодно парировал Клементс. – И кстати, хочу вам заметить, что я и сам посещал частную школу для мальчиков и с удовольствием играю в регби, хоть и далеко не на уровне Ника Армитаж-Уэлсби. Но тем не менее я ни разу не сталкивался с обычаями, о которых вы говорите, и крайне оскорблен подобными необдуманными и обидными для меня инсинуациями.

– Извини, если ненароком задел тебя, Джеффри. Однако ты должен понимать: как председатель правления, я несу определенную ответственность перед управляющими, которым предстоит ответить за малейшее подозрение в нарушении врачебной этики...

– А как насчет ответственности перед больными и их родственниками?

– Ну конечно, разумеется. Я рассматриваю и то и другое как синонимы. Но главное в том, что я не могу просто так обвинить персонал в некрофилии. Если об этом узнает пресса, журналисты как с цепи сорвутся! Общественное доверие к больнице и к ее руководству серьезно пострадает. Правление в большой степени полагается – и особенно в отношении модернизации больницы, как, например, самое современное скрининговое оборудование на отделении превентивной медицины, – на добрую волю своих состоятельных покровителей, выраженную посредством благотворительных взносов. И если я начну без повода нажимать на кнопку «паника»...

– Как руководитель больницы, вы и ваша команда отвечаете перед общественностью за расследование этого случая, – резко ответил Клементс.

Для Свита Клементс воплощал все, что было ему ненавистно, может, даже в большей степени, чем рабочий класс, из которого вышел сам председатель правления. Эта самоуверенно выставленная напоказ высокая мораль воспитанника частной школы. Такие убогодки, как он, могли себе это позволить; им нечего было беспокоиться из-за денег. Сам же Свит поставил все на карту ради покупки этого огромного дома на Темзе в Ричмонде, пустого, как сарай, на

момент приобретения. Теперь ему предстояла оплата многочисленных счетов по ремонту, и благодаря покровительству Фредди до сегодняшнего дня все шло отлично. И самая суть его жизни теперь под угрозой, а все из-за этого самонадеянного маленького скандалиста из богатой семейки!

Глубоко вдохнув, Свит постарался восстановить вид хладнокровного профессионала.

– Разумеется, будет проведено доскональное расследование...

– Вот-вот, – самонадеянно перебил его Клементс, – и пускай меня держат в курсе.

– Естественно... Джеффри... – прошипел Свит сквозь сжатые зубы.

– До свидания, мистер Свит, – закончил разговор Клементс.

Свит сжал в кулаке ручку и нацарапал слово «СУКА» на линованном листке настольного блокнота с такой злобой, что проткнул бумагу на шести страницах и оставил след на десятке листов под ними. Затем он поднял трубку и набрал номер:

– Фредди Ройл?

20. Без названия – в работе

Страница 156

Лоррейн следовала за графом Денби всю дорогу из города до опиумной курильни в Лаймхаусе, часто посещаемой лордом. В старой одежде и с шарфом, замотанным на лице для маскировки от графа, Лоррейн в глазах окружающих казалась не более чем простой горничной. Маскарад ее оказался успешным и в некотором смысле даже слишком успешным – Лоррейн приходилось сносить назойливые приставания разного рода темных личностей, возвращавшихся домой после разгульной ночи.

Лоррейн тем не менее держалась достойно и продолжала путь до тех пор, пока провожавшие ее ранее своими выкриками двое одетых в военные мундиры настырных молодых парней не преградили ей дорогу.

– Держу пари, эта хорошенькая горничная позабавит сегодня одного молодца, – игриво сказал один из них.

– И кажется, я знаю, кого из молодцов ты имеешь в виду, – похотливо улыбнулся второй.

Лоррейн застыла на месте. Эти пьяные солдафоны приняли ее за простую служанку. Она попыталась заговорить, но тут почувствовала, что кто-то стоит у нее за спиной.

– Предупреждаю вас, не троньте эту леди, – послышался голос.

Лоррейн обернулась и увидела шагнувшего к ней из тени молодого красивого мужчину.

– Да кто ты такой? – прокричал один из молодых парней. – Иди своей дорогой!

Неожиданный спаситель остановился в бесстрастной позе. Лоррейн показала знакомой слегка презрительная усмешка на устах, несмотря на то что тень от широкополой шляпы скрывала глаза незнакомца. Когда он наконец сообразил заговорить, речь его, обращенная к молодым офицерам, была преисполнена сознания собственного превосходства.

– Я наблюдал за вашим разгулом, судари, и должен сообщить, что ваша пьяная болтовня полна непристойности, постыдной даже для самого разнузданного призывника из угольного городка Ланкашира!

Второй солдат, узнав по тону в незнакомце офицера, на этот раз обратился к нему с большей осторожностью:

– А кто вы сами будете, сударь?

– Полковник Маркус Кокс, из рода Крэнборо, из Третьего полка Суссекских стрелков. А что до вас, то как назвали бы вы негодяя, марающего знамя своего полка оскорблением женщины из высшего света – питомицу самого графа Денби?

– Так вы все знали, сударь? – воскликнула пораженная Лоррейн.

Маскарад ее оказался хорош для охваченного горем графа, с нетерпением ждавшего завершения лондонских дел и возвращения к своей тупой овце, но он не был способен обмануть Маркуса, к которому вернулись его здоровье и жизнелюбие.

– Прошу прощения, моя дорогая мисс Лоррейн, – отвечал галантный молодой полковник и вновь обратился к наглецам: – Итак, что вы можете сказать в свое оправдание?

– Тысяча извинений, мадам... мы приняли вас за прислугу...

– Не сомневаюсь в этом, – заметил Маркус, – и, поскольку я сам отвечаю за дисциплину в собственном полку, хочу спросить вас, как поступил бы с вами мой хороший друг, полковник Александр по прозвищу Песчаный, узнав о том, что его молодые офицеры подают такой неблагоприятный пример пьяного дебоширства?

– Сударь... позвольте мне объясниться... нас скоро отправляют на фронт воевать с бонапартовскими головорезами. Мы... не понимали, что эта леди... из высшего света... мои родители бедны, сударь, и должность моя так много для них значит... я умоляю вас... – открыто упрашивал молодой солдат, прежде наиболее нахальный из двоих; в выражении лица его читалось истинное раскаяние.

Его жалобная речь заставила Лоррейн вспомнить о своем положении и о тех жертвах, что принесли ее собственные родители ради ее вступления в высший свет.

– Моя вина, что я так одета, Маркус, но все – ради того, чтоб незаметно следовать за нашим дорогим Денби... – произнесла она на грани слез.

Маркус Кокс на какой-то миг обернулся к ней, затем суровым взглядом обвел ее обидчиков. Выпятив нижнюю губу, рукой упершись в бок, он, глядя сверху вниз, произнес:

– Я по природе не лишен сочувствия и не могу сказать, что избегаю развлечений, особенно перед тяжелой битвой, с которой я, увы, знаком не понаслышке. Однако же, когда британский офицер оскорбляет леди, тем более знакомую мне лично, я не могу не требовать от него сатисфакции. И прочь любые оправдания, – добавил он жутко, почти шепотом. Затем голос его снова загремел: – Дадите ли вы мне удовлетворение?

– Любезный сударь, – отвечал ему тот, что держался скромнее, теперь он выглядел крайне огорченным и дрожал, будто на него ошетинились наполеоновские штыки, – мы не можем пойти на дуэль со старшим офицером! Тем паче вашего звания! Это будет истинным варварством! Сражение с мужчиной, с которым бок о бок собираешься защищать родину, нельзя расценить иначе как извращение! Прошу вас, благородный сударь, мы признаем, что поступили дурно и заслужили наказание за свое неподобающее

поведение по отношению к благородной даме, но умоляю, не требуйте удовлетворения от нас подобным образом!

– И вы оба с этим согласны? – обратился к солдатам Кокс.

– Да, сударь, точно так, – отвечал ему второй.

– Я все же получу удовлетворение, черт вас подери! – проревел в ночи полковник. – Вы дадите ж мне его?

– Сударь... прошу... как можно? – униженно лепетали молодые вояки, склонив головы перед яростным напором, звучавшим в тоне старшего офицера.

Маркус почувствовал, как пена выступила на его в бешенстве сжатых губах и как сердце гневно забилося в груди.

– Я вижу перед собой никчемного труса, недостойного мундира, который он носит, а также самонадеянного молокососа, готового душу продать дьяволу ради спасения своей жалкой дрожащей шкуры!

– Прошу вас, сударь... умоляю, именем самой Англии! Как можем мы удовлетворить вас, избежав кровопролития?

– Хорошо, – ответил Кокс после задумчивого молчания. – Раз вы отказываетесь выполнить требование уладить дело в честном бою, мне остается лишь прибегнуть к способу, ставшему традицией в моем собственном полку. Я вынужден назначить наказание, издавна применяемое к младшим офицерам, нарушающим дисциплину, подобно вам сейчас. Спускайте штаны, вы оба! Выполняйте приказ! – Маркус обернулся к Лоррейн: – Прошу вас, сядьте в коляску, мисс, ибо зрелище это не для глаз молодой леди.

Лоррейн послушно исполнила распоряжение полковника, но не смогла удержаться и приоткрыла занавеску, наблюдая, как оба обнажились ниже пояса и склонились через ограду у дороги. Далее Лоррейн смотреть не решилась, но до ее слуха донеслись их крики, а также возбужденные возгласы Маркуса:

– Я получу удовлетворение!

Вскоре, слегка запыхавшись, он вернулся к ней в коляску:

– Прошу прощения, Лоррейн, за то, что вам пришлось столкнуться с грубой правдой военной жизни. Мне крайне больно было прибегать к такому наказанию, но доля старшего армейского офицера не всегда приятна.

– Обычен ли подобный метод наказания, Маркус?

Маркус приподнял бровь:

– Существует много действенных путей, но в данной ситуации именно этот я счел бы самым эффективным. Когда на тебя возложена ответственность за выбор меры пресечения для своих собратьев-офицеров, нельзя забывать немаловажную и даже обязательную заботу о поддержке *esprit de corps*, чувства единения и, да-да, любви к полку и братьям-офицерам. И это в высшей степени положительно влияет на моральный дух в войсках.

Лоррейн, хоть и не вполне убежденная его словами, так или иначе была тронута красноречием Маркуса и признала:

– Увы, сударь, как женщина, я далека от знания военных правил...

– Так это и должно быть, – согласился Маркус. – Теперь поведайте мне, что происходит с нашим другом графом Денби?

– Ах, Маркус, наш милорд, к несчастью, опускается все ниже! Мое сердце разрывается! Неумное пристрастие к вину и к опиуму, нелепый союз с этой глупой овцой... ах, как мне больно! Он возвращается в Уилтшир через пару дней и снова будет проводить все дни свои с этой скотиной!

– Мы оба должны поехать вместе с ним. И мы должны придумать нечто, что вернет ему обратно его разум. И если душевная травма так ослабила его рассудок, то вполне возможно, что лишь новая травма избавит его от этой напасти. Нам надо хорошенько поразмыслить.

– Послушайте, Маркус, – начала Лоррейн, как показалось, слишком скоро для такой догадки, – мне кажется, я кое-что придумала...

21. Властелин колец

Труп рано утром вытащили из обгоревшего склада. Взглянув на него, Глен поморщился: хотя он и привык к мертвецам, из которых многие представляли собой крайне неприятное зрелище, такого ему еще не приходилось видеть. Верхняя часть тела почти полностью обгорела, лицо изуродовано до неузнаваемости. Глена охватило жуткое чувство, когда, сопровождаемый тяжелым дыханием Фредди за спиной, он обнаружил, что ягодицы остались практически нетронутыми злым пламенем.

– Так э-этат был настоящим ветераном задницы, а? – пропел Фредди.

– Ну, в общем, видишь ли, пожар случился на голубой дискотеке. Приятель парня приходил на опознание. – Глен кивнул на обугленную тушу. – Он лишь по кольцу смог опознать тело. Фредди засунул указательный палец в анус мертвеца.

– Да-а, это, пожалуй, единственное, что уцелело... Не понимаю, как они только их различают; по мне, они все одинаковые. Должно быть, настоящая любовь была, а не просто так?

Глен затряс головой и указал на золотую печатку на обугленном пальце.

– По тому кольцу, Фредди, – сказал он.

– Ой-ой! Па-анимаю, что ты имеешь в виду, приятель! – рассмеялся Фредди.

У Глена сперло дух от тошнотворного запаха обугленной плоти, который проникал, казалось, повсюду. Он намазал себе под нос новую порцию защитного крема.

Поразвлекшись наедине с трупом вволю, Фредди накапал ему в задницу жидкости для зажигалок и поднес спичку.

– Ты что делаешь, Фредди? – испугался Глен.

– Теперь нашему дружку-анатому будет па-атрудней найти улики. – Фредди улыбнулся Глену, который снова почувствовал приступ тошноты.

22. Без названия – в работе

Страница 204

– Нежнейшее и самое сочное мясо молодого барашка, какое я едал за многие годы, – произнес Денби и тут же замер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.